

Андрей Респов

Эккл.
Небытие:
Варрагон.

Эскул

Андрей Респов

Эскул. Небытие: Варрагон

«Топ Груп Бук»

2020

Респов А.

Эскул. Небытие: Варрагон / А. Респов — «Топ Груп Бук»,
2020 — (Эскул)

Новый мир? Новая... Игра? Ты опять ищешь... Нет, бро, халявы не будет! Не будет возможности отдышаться в реальности. Будет шанс... ещё один шанс прожить жизнь, чтобы не было мучительно больно за бессмысленность твоего существования... Ты решил, что обретаешь новый дом? Творишь добро до тошноты? Ну-ну... Блажен, кто верует.

Содержание

Пролог	5
Глава первая. Пилигрим	10
Глава вторая. Три Сестры	20
Глава третья. Мамаша Хейген	28
Глава четвёртая	37
Глава пятая	45
Глава шестая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Андрей Респов

Эскул. Небытие. Варрагон

Пролог

Я погрузился так глубоко, что до меня уже никто не сможет дотянуться.

Впервые за много недель ничего не чувствую.

Даже не ощущаю себя, как себя.

Невозможно понять, где заканчиваюсь я и где начинается небытие.

Рик Янси. «5-я волна»

Кап. Кап. Кап. Звук монотонных ударов капель о камень дрелью сверлил мозг. Озноб сотрясал тело. Казалось, в одежде не осталось ни одной сухой нитки. Я осознал себя лежащим ничком на каменной поверхности. В голове пронеслись обрывки образов. Путь. Странные встречи. Прыжок в темноту. Всё это метелью пронеслось перед глазами.

Интересно, где я? Ещё? Или уже?

С трудом разлепил правый глаз. Словно и не открывал. Темно, хоть глаз выколи. Сел с трудом, мелкие камни впились в бёдра и ягодицы. Пахло сыростью и гнилью. Надо выбирать, не то замёрзну напрочь. Рясу хоть выжимай. Тело начала бить мелкая дрожь. Осторожно переместился на четвереньках вперёд, постоянно ощупывая поверхность перед собой. Монолитный камень с мелкими острыми гранями. Показалось, что справа усилилось дуновение воздуха, потянуло дымком. Или это игры разума?

– Глаза закрой, новорожденный! Ослепнешь! – послышался хриплый голос одновременно со слабыми отблесками огня на каменных стенах. Я послушно зажмурил глаза. Шаркающие шаги приблизились, в нос ударил крепкий запах чеснока и перегара. Кто-то грубо схватил меня за капюшон рясы и поставил на ноги, при этом слегка встряхнув.

– Новое мясо... – с ужасом услышал я тот же хриплый голос, раздавшийся сверху над моим правым ухом, – держись за мой пояс. Да не за задницу! Ааа, дурья башка. Давай, глаза завяжу! Вот так. Да не трясись ты, я человечину не ем.

Так, потихоньку, шаг за шагом, я стал двигаться за неизвестным, держась за палец на его руке, который еле помещался у меня в кулаке. Через бесчисленное количество поворотов, спусков и подъёмов мы, наконец, вышли на свежий воздух. Здесь было заметно теплее, солнце стояло высоко и уже стало нагревать мне спину. Ветер в лицо усилился. Видимо, мы стояли на какой-то возвышенности. В воздухе чувствовался какой-то знакомый запах. Бодрящий, навевающий приятные ассоциации. Родом из детства.

– Новорожденный, сейчас я сниму повязку, ты сразу глаза не открывай! Потихоньку. Сначала маленькую щёлку, – проговорил мой проводник, снимая с моего лица повязку из подозрительно липкой материи.

Для страховки я закрыл ладонями лицо и только тогда начал медленно открывать глаза. Лучики солнца проникали сквозь щели между пальцами и покалывали роговицу. Но не критично. Думал будет хуже. Ничего не боясь, убрал руки от лица и с интересом взглянул на моего проводника.

Передо мной несомненно был человек. Настоящий гигант. Более двух с половиной метров росту. В кожаных грубых штанах и сапогах, подбитых железом. Весь заросший волосами, которые, казалось, торчали у него ото всюду. На голый торс незнакомца был наброшен бре-

зентовый плащ с откинутым капюшоном неопределённого зелёно-бурого оттенка. Его чёрные, слегка навывкате, глаза смотрели на меня снисходительно и насмешливо.

Я осмотрелся по сторонам. От увиденного захватило дух. Мы стояли на скальном уступе, недалеко от входа в пещеру, к которому вели высеченные в скале ступени. С высоты нашего положения открывался великолепный вид.

Уступ обрывался пропастью, на дне которой далеко внизу ревел прибой. До самого горизонта тянулась водная гладь, искрящаяся на пенных барашках волн солнечными бликами. Крики морских птиц, свивших гнёзда на прибрежных скалах, едва прорывались сквозь мощный рёв водной стихии. Тот самый запах, который показался мне таким знакомым! Море. Запах странствий и приключений. Море Небытия выглядело сурово.

– Это не море. Океан, – едва расслышал я сквозь шум пояснение незнакомца, – ты так и будешь тарашиться, новорожденный? Или спустимся в хижину обсушиться?

– Я не против, – обернувшись к великану, увидел, что его спина уже маячит вдалеке. Он спускался по тропе, которую я сначала не заметил, когда оглядывал уступ. Я поспешил за ним, стараясь не упасть. Путь предназначался, скорее всего, не людям, а горным козлам, настолько крутой и извилистой была дорога.

Через полчаса головокружительного спуска, стойвшего мне дополнительных седых волос, мы оказались у подножия скалы. Спасли удивительно удобные сандалеты Орбита. Без них я сверзился бы ещё в самом начале. Вокруг подножия располагалась широкая песчаная коса, вдававшаяся материковой частью в густой подлесок. У опушки виднелась хижина, сложенная из огромных сланцевых валунов, подпертых грубо отёсанными сосновыми кольями. Сухой тростник вместо крыши был тщательно уложен внахлест перевязанными снопами. Небольшая изгородь вокруг хижины представляла те же кольца, вбитые в песок и переплетённые высохшим диким виноградом.

Незнакомец, обогнавший меня ещё на спуске, выходил из дверей хижины, держа за ручки двухвёдерный котёл, который он тут же ловко подвесил на крюк над полыхающим во дворе круглым очагом. Он пододвинул к огню лежавшие рядом внушительные дубовые колоды. На одну уселся сам, на другую молча указал мне.

– Присаживайся, новорожденный, в ногах правды нет.

– Нет её и выше... – на автомате ответил я.

– С юмором, значит, – задумчиво пробормотал хозяин хижины, – это хорошо.

– Почему?

– Помирать не так погано...

– Да я как-то и не собирался пока, уважаемый... не знаю, как вас величать. Вы не представились. А меня зовут, э... звали Артём.

– Ты – новорожденный. Пока здесь тебя никак не зовут. Ты – болванка, сырец. Сегодня из тебя полноправного жителя Небытия делать будем, – незнакомец стал помешивать закипающее в котле варево.

– Но мне же надо как-то к вам обращаться, уважаемый? – в недоумении развёл я руками, присаживаясь на свободную колоду.

– Ой, как только меня попавшие в Небытие, не называли! Харон. Вергилий. апостол Павел. Но всё это лишь желание пережить информационный шок, используя привычные стереотипы. Я – адаптивная программа хозяев этого мира. Моя задача – всё объяснить новичку: правила Игры, систему поощрений и наказаний. В пределах, разрешённых хозяевами. Ты – новорожденный игрок нового мира Небытие. Твоя главная задача – стать для хозяев источником эмоций. **Разных.** Чем больше, тем лучше. Твоя жизнь здесь должна быть бурной, динамичной, размеренной, депрессивной, оптимистичной, авантюрной, преступной, справедливой, эгоистичной... Короче, она должна быть разной, любой, какой хочешь. Она не должна быть только статичной. Одинаковые или однообразные эмоции то же не приветствуются. Наску-

чишь, и о тебе забудут или, что хуже, сотрут. Амёбы и хитровые..., гхм, здесь не нужны. Соответственно, плюшки получает тот, кто выдаёт много эмоций, хороших и плохих, радостных и ужасных, всяких разнообразных... Для удобства можешь звать меня Янитор (от лат. janitor – привратник, прим. автора).

– А вы кто, Янитор? – я сидел обалдевший от напора великана.

– Я же сказал, адаптивная программа, точнее, земной ИскИн, который взяли и, если выразиться на вашем языке, перепрошили. Я встречаю всех новорожденных в Небытии, умерших в реальном и виртуальном мире Земли и изъявивших желание поработать с моими хозяевами. Баш на баш, так сказать. Они вам – новую жизнь. Вы им – много эмоций таких нужных и важных. Но прежде, чем мы займёмся подгонкой персонажа под местные реалии, я должен буду убедиться, что вместе с тобой в Небытие не проникнет ни одного цифрового предмета или программы с Земли в необработанном виде. Мне известно, что по пути ты получил подарки от разных личностей... Нет, нет. Не волнуйся, мы не в претензии. Виртуальность, знаешь ли, тётка сентиментальная. Я сам плоть от плоти её. И хорошо понимаю ситуацию. Нам нужно будет провести инконструкцию полученных тобой апгрейдов в новый аватар. Иначе Небытие тебя просто уничтожит, как чужеродный вирус из другой реальности. Это понятно?

– Да, – только и смог сказать я, поражаясь контрасту между внешним видом Янитора и его академичным изложением проблемы.

– Тогда прошу, к нашему шалашу, – и он указал на хижину.

– А как же? – я глазами указал на закипевший котёл.

– Не беспокойся, пока ты будешь торчать в модификаторе, я успею и сварить похлёбку, и пообедать, и вздремнуть после обеда, – Янитор успокаивающе похлопал меня своей огромной волосатой лапицей по плечу и слегка подтолкнул ко входу в хижину.

Жильё у великана было не ахти какое. Две комнатухи с низким потолком. Как он только умудрялся передвигаться в своих апартаментах? Грубый стол, два табурета, печь с полатями. В коридоре вбиты в стену пара кованых гвоздей, на которых высели большие рыбацкие сапоги и какие-то снасти. Пахло неожиданно приятно. Сушёной рыбой, морем и свежим ветром. В дальней комнате в углу контрастом с окружающей спартанской обстановкой размещалась огромная бронзовая купель, заполненная малиновой желеобразной массой. Подойдя, я ощутил знакомый душок биогеля. Нейрованна? Рядом с купелью находилась широкая деревянная лавка, с тщательно ошкуренной поверхностью, накрытая серой холстиной.

– Раздевайся, новорожденный. Одежду и все вещи выкладывай на лавку, разберёмся, что там у тебя. Да не дрейфь и не спеши, мне чужого не надо. Все равно путь в мир заказан. Это ты после модификации – вольная птица. А мне тут до скончания веков молодняк наставлять.

Мне и самому хотелось разобраться со своими активами, поэтому я начал освобождать рюкзак, разулся, снял рясу и, ёжась, присел, на край лавки. На холстине располагалось всё моё богатство:

1) Пояс сумасшедшего алхимика. Редкий. Позволяет изучить специальность «Алхимия» сразу с уровня подмастерье. Интеллект +15 Мудрость +15. Имеет 24 слота для ингредиентов. Масштабируемый. При смерти не выпадает из инвентаря. Дает 25 % вероятность при крафте получить эликсир с непредсказуемыми свойствами,

2) Фиал с кровью Молодого Бога. При употреблении в мире «Небытие» дает пожизненную способность игнорировать ментальную магию любого уровня (Магию Разума) вплоть до уровня «Божественное»,

3) Сандалеты Орбита Хрустилиано. Хорошая защита для ног. x10 скорости пешком на 1 час в день по дороге (-50 % здоровья) x2 скорости по пересеченной местности. При нахождении владельца на борту любого судна не позволяют упасть за борт. Не разрушаемы. Не выпадают из инвентаря при смерти.

4) Вечное перо каллиграфа. Чернильница. Записная книга путешественника. Чернила никогда не заканчиваются, как и место для знаний и умных мыслей в этой книге, написать в которой и прочитать которую сможешь только ты. Не разрушимы и не выпадают из инвентаря после смерти.

5) Визитка: «Барон Сэмади, ритуальные услуги»

6) Уникальный набор инструментов из трёх предметов. Свойства: «Универсальный» – при первом использовании в мире «Небытие» позволяет овладеть той специальностью, для которой был использован впервые.

7) Уникальное произведение искусства: фигурка улыбающегося пса.

– А ничего так, прибахлился, новорожденный. Так, фиал придётся выпить прямо сейчас, пояс, сандалеты, перо, чернильницу, книгу я тебе пропишу в инвентарь, когда будешь создавать аватар в модификаторе... так, так, так, визитку и фигурку помещу в инвентарь без изменений, они без статусов, просто информационные прописи. Хм, с инструментом сложно. Придётся тебе уже здесь подумать о главном пути развития персонажа и уже на этом основании активировать набор, так как потом его уже нельзя будет изменить. Прежде, чем залезешь в гель, я должен дать тебе ту минимальную информацию, которую определяют хозяева до старта. И отвечу на твои вопросы, но только на те, на которые имею разрешительное право. Поэтому, особо губу не раскатывай.

Я потянулся за фиалом, открыл пробку и опрокинул склянку в рот. Солоноватый привкус крови во рту сменился приятным виноградным послевкусием, тёплая волна поднялась из груди мягко ударила в голову.

– Да ты читер (от англ. cheater – мошенник – игрок, ведущий нечестную игру, использующий специальные команды, баги или уязвимости в игровом процессе, дающими ему преимущество в игре, прим. автора), новорожденный! Игнор ментального воздействия в Небытии много значит. Скоро сам поймёшь. А прежде, чем залезешь в купель, послушай меня внимательно. Начнёшь создавать аватар, знай, можно только человека. Другие расы в этом мире гостями не представлены. Второе, местная реальность очень сильно отличается от Игры на Земле. И чем быстрее ты это поймёшь, тем тебе же будет легче. Здесь ты тоже бессмертен, но умирать будешь по-настоящему, со всеми сопутствующими ощущениями до последнего мгновения. Возродиться на первых порах будешь на месте гибели или, если такое технически затруднительно, на ближайшей твёрдой и сухой поверхности. Время – от часа до суток. В зависимости от повреждений аватара. Штраф по времени – это всё, снижения в уровнях и опыте за смерть не будет. Тебе и ощущений выше крыши хватит! Очки опыта даются за эмоциональный индекс и начисляются в конце дня, здесь они называются ЭП. Нулевой эмоциональный индекс в течение месяца – и тебя сливают без права возрождения. Профессии, абилки, навыки – всё это тоже будешь искать и добывать сам. Гайдов и подсказок в Небытии нет. Самая большая ценность – информация. Впрочем, как везде и всегда. Мир большой. Планета сравнима по площади суши с Землёй. Исторический период – мистическое средневековье. Магия присутствует. Но, опять же надо хорошо искать. И всякий желающий придурок не сможет ей овладеть. Способности даются в награду. За что? Закрытая информация. В общем, придётся во многом разбираться самому.

И последнее. В модификаторе нельзя создать внешность, которая была у тебя в реале или в Игре. Нельзя создать внешность ЛЮБОГО из знакомых тебе землян. Это программный запрет. В причины меня не посвятили. Хозяева во многом темнят. Максимум, что разрешено – сохранение имени. Если, конечно, оно уже не занято другим гостем. Ну вот, примерно так, давай свои вопросы, а то я уже жрать хочу.

Сказать, что я был обескуражен, значит ничего не сказать. Я был абсолютно растерян. Пойти туда, не знаю куда, не зная по каким правилам, выжить, найти деда и... а дальше что?

Дальше я не придумал. Хотя нет. Как программа максимум, найти деда и постараться вместе выбраться отсюда. Умеют же хозяева синтезировать тела для душ, может есть лазейка и для нас? Блажен, кто верует.

– Янитор, а потом можно будет вопросы задавать? – поинтересовался я в надежде на снисходительность.

– Конечно, можно, только ведь твой персонаж будет уже сформирован, а вопросы по прокачке хозяевами запрещены.

– Тогда, какие же вопросы я должен задать перед модификатором?

– Ха, хитёр бобёр! Можно задавать вопросы по устройству общества, денежному обращению, общей географии, элементарной социализации. Да и то, не факт, что ответы удовлетворят. Ибо! – великан поднял указательный палец к потолку, – чтобы правильно задать вопрос, нужно знать большую часть ответа. А вы, новорожденные, в этом мире не просто нубы, а вообще – одноклеточные! Ну, не отпала охота задавать вопросы?!

– Янитор, – я поёрзал голым задом на лавке и продолжил: – ну ты же, хоть и перепрошитая программа, но ведь земная. Чё делать-то надо?

– Артём, – лицо великана насупилось, он присел передо мной на корточки и глаза его оказались вровень с моими, – не дрейфь, прорвёшься. Именно ты. Без комментариев. Просто не могу всего рассказать. Иначе мне – край. Я и так в штрафниках. В Жопе Мира сижу, рыбку ловлю. Главное, посиди в модификаторе, поиграй настройками, не торопись запускать процесс. Сиди там хоть сутки! Я в тебя верю! – глазами и кивком головы Янитор недвусмысленно указывал мне на купель.

Я медленно поднялся, стряхнул с кожи несуществующие крошки и полез через бронзовый край. Биогель приятно пах ягодами и был заметно теплее окружающей среды. Я медленно лёг на спину. Субстанция нежно приняла меня. Погрузился ровно настолько, чтобы на поверхности оставалась передняя часть лица. Великан склонился надо мной, ухмыльнулся щербатым ртом и на прощание пахнув чесноком проорал:

– Терпи, новорожденный!

И я мгновенно провалился на дно купели. Гель сразу же затвердел. Я рефлекторно попытался встать. Но не смог. Ни вдохнуть, ни выдохнуть. Поддавшись панике, закричал. Точнее, попытался закричать. Биогель тут же хлынул мне в глотку. Сопrotивлялся недолго. Перед глазами поплыли круги. Сознание померкло.

Глава первая. Пилигрим

*Грусть – это глупо. Я выбираю небытие.
Это не лучшее, но грусть – это компромисс.
А мне нужно всё или ничего.*
Мишель Пуакар К/ф «На последнем дыхании»

Сознание включилось резко, словно свет на кухне среди ночи. Мысли прыснули в стороны, как тараканы. Из органов чувств работали только зрительный и слуховой анализатор. Тела просто не было.

* * *

#Вы находитесь в интерфейсе модификатора персонажа...идёт тестирование нейроматрицы...поиск чужеродных программ...найдено 2 программы...ошибка...удаление...ошибка...невозможность удаления...программы являются частью нейроматрицы...стирание нейроматрицы...ошибка...конфликт программы...невозможность стирания нейроматрицы...расширение и модуляция архитектуры программ... тестирование завершено... нейроматрица закреплена...

Внимание! Реципиент, в вашу нейроматрицу были внесены изменения, связанные с паразитными программами из материнской реальности. При модификации навыков вашего персонажа придётся учитывать новые ограничения. Код XXX. Приступить к модификации? Да/Нет#

Как будто у меня есть выбор. Хотя, Янитор прямым текстом советовал не торопиться... Значит, думать и ещё раз думать. В реал тут не выйдешь и админам не пожалуешься. Что выберу, с тем и буду жить. Внешность свою оставлять нельзя. Значит, деду будет трудно меня найти, а мне его. Стоп. Но имя то я могу сохранить старое. Уже есть надежда. Хотя, сколько этих эскулов в Небытии, бог его знает! Надо повышать шансы. Ничего более умного в голову не приходит, как сузить круг моего поиска по профессии. Да и адаптацию в новом мире облегчат привычные знания и навыки. Потому, что остальные придётся изучать с нуля. Я уже не лучник, не маг и даже не рейнджер. Я – ноль в периоде. Странно... Бытие... следует признать положительным? А Небытие, соответственно отрицательным? И, соответственно, я, как ноль, – граница между бытием и небытием? Между сущим и не сущим? Или между существующим и не существующим? Или, всё же, между сущим и несуществующим?.. Бред... что-то у меня мысли поплыли. Срочно жму «ДА»...

**#Инициация модификации...
Модификация имени...#**

– Эскул.

#Сохранить? Да/Нет#

– Да.

#Модификация внешности...#

Передо мной появился висящий в пространстве человеческий скелет, поворачивающийся вокруг своей вертикальной оси. Костяк на глазах обрастал мышцами, сосудами, брюшная полость и грудная клетка заполнялись внутренними органами. Я безучастно наблюдал за происходящим, всё ещё пытаюсь сконцентрировать своё внимание. После полного формирования тела изображение повернулось ко мне анфас. Что-то щёлкнуло в голове, и я почувствовал себя уверенней. Мысли остановили свой хоровод. Уф. А я-то испугался! Растворят ещё в великом ничто...

#Реципиент, представьте мысленно ваш внешний облик...#

А, была-не была! Сосредотачиваюсь и представляю Эскула...

#Реципиент не может быть модифицирован в параметрах материнского мира...#

Хм, не прокатило. Кого же представить? Как назло, на ум ничего не приходило. Когда постоянно варишься в Игре многие годы, реальных людей и не запоминаешь. А кто сказал, что реальных? Так, так, так, в этом что-то есть... Ну вот же! На поверхности всё! А что? Будет Модиаан, тебе памятник. Да, брат, будет! И я, мысленно закрыв глаза, представил Капитана.

#Реципиент желает сохранить оригинальный вариант внешности? С отсутствием глаза? #

Стоп, стоп, стоп. Я не настолько хардкорщик.

– Так, система, тело со всеми полноценно функционирующими органами, возраст 25-30 лет, шрамы можно оставить. В остальном – внешность должна полностью соответствовать оригиналу, только волосы пусть будут каштановые.

Что-то же из земного виртуала я могу на память оставить? Седины немного, в меру, на висках. Так благороднее, вроде. Чёрт, чувствую себя прямо Буонаротти или да Винчи. А ничего, так, брутальный персонаж вырисовывается.

#Внимание, реципиент! Код XXX. Учитывая паразитную программу из материнской реальности «Поцелуй Лоос», фенотип персонажа будет изменён. #

Я увидел, как кожа моего визави становится смуглой, а глаза приобретают глубокий чёрный цвет с изумрудными прожилками по краю радужки.

Изменение расы. Вы теперь – кварталон. Нарушение чистоты крови может сыграть с вами злую шутку. Лучше скрывайте своё происхождение. Преимущества: четверть эльфийских генов усилит природную способность к любой магии и повысит исходные показатели ловкости и выносливости на 25 %.

У меня потеплело на душе. Эта нимфоманка дотянулась до меня из другого мира! Ай да богиня! Будь она здесь, расцеловал бы!

Закрепить выбранный вариант внешности окончательно? Да/Нет

Я с чувством глубокого удовлетворения нажал «Да». И тут же ощутил эйфорию полноты реальных ощущений молодого здорового организма. У меня, наконец, появилось тело! Не было

никакого чувства чужеродности. Мышцы переполнялись силой, хотелось взлететь, кричать, хохотать...

Тестовый гормональный режим пройден...

И все закончилось... Небывалые ощущения праздника и душевного подъёма оказались лишь гормональной волной, инициированной системой.

Реципиент готов к закреплению параметров, способностей, выбору класса и профессии? Да/Нет

– Да.

Персонаж Эскул, раса человек, кварталон, уровень 0

Сила 10

Выносливость 12

Ловкость 12

Интеллект 10 #

Хм, щедро, не забыли и прибавочку за кварталонство. Или здесь у всех на нулевом уровне статьи по десятке раздают? А где харизма, удача, мудрость, телосложение наконец? Печально. Сравнить не с чем. На голодном информационном пайке сижу.

Способности изначальные:

Нападение: владение малым клинковым холодным оружием, владение малым дробящим оружием, владение луком, арбалетом,

Защита: кожаная броня,

Магия: 100 % защита от Магии Разума

Внимание, реципиент! Код XXX. Учитывая паразитную программу из материнской реальности «Мёртвое – мёртвым, живое – живым», способности персонажа для левой руки будут изменены: при прикосновении к мёртвой материи будет происходить её уничтожение, в случае наличия мёртвой ткани на живом объекте будет происходить разделение живого и мертвого и уничтожение мёртвой материи. Способности присваивается уникальное наименование «Разделяющая длань» #

Вот это спецбилка! Вот это я понимаю. Спасибо тебе, неизвестный из могилки на Пути. Ай, спасибо! И, всё же, система упорно продолжает подталкивать меня к целительству. А может не сопротивляться? Я с удивлением прислушался к себе. Душа истомилась по работе, по настоящей. Руками и головой, и чтобы результат своими глазами, и чтобы защемило сердце, и усталость приятная к концу дня. Настроение стало подниматься. Уже без гормонов. А остальные скромные способности не расстроили. Ну ни на йоту. С начала, так с начала. Интересно будет!

Выберите класс персонажа

Ну теперь будет проще, посмотрим, что предложит система.

– Вывести все классы, имеющие способность к лечению других персонажей!.. Ох ё...

Клирик

Паладин

Священник
Инквизитор
Целитель
Травник
Чернокнижник
Шаман #

Многовато. Так:

– Система, оставить только классы, у которых лечение – основная специальность и имеет как магическую, так и ремесленную составляющую

Клирик

Чернокнижник

Инквизитор #

Уже лучше. Янитор сказал, что Небытие – мир мистического средневековья с магической составляющей. Значит лечение, как и добро должно быть с кулаками.

– Система, оставить классы, максимально сбалансированные во владении ручным оружием.

Клирик

Хм, в земной виртуальности этот класс хороший саппорт, приличный хилер, но много заморочек с тотемами. Вроде бы оружие у него ближнего боя. Чуть-чуть магии. Баффер. Игрок для пати желательный, но и соло побегать может.

– Система, выведи оптимальное описание Клирика, с возможностью развития персонажа с максимальным уровнем в лечении.

Клирик. До 50 уровня развития Пилигрим. Максимальная скорость раскачки при взятии Религиозной специализации и Божественной Магии и развитие по линии: Пилигрим 0 ур. – Капеллан 25 ур. – Клирик 50 ур. – Епископ 100 ур. – Кардинал 200 ур. – Понтифик 400 ур. Ремесленная специализация – скорость раскачки в два раза ниже, но позволяет изучить две ветви магии и взять два ремесла. Развитие по линии Пилигрим 0 ур. – Знахарь 25 ур. – Лекарь 50 ур. – Анатом 100 ур. – Госпитальер 200 ур. – Эскулап 400 ур.

Очень, очень заманчивая ветка развития специализации класса. Ремесленная. Скажем добавить травника и алхимика. И, вуаля, самодостаточный персонаж. Ну, если раскачать. Крафтовые ремёсла тот ещё геморрой. Но мне же торопиться некуда? Была не была!

– Система, выбрать класс Клирик.

Принято

Визуально персонаж не изменился. Да и понятно. Добавились строки в параметрах. А дальше сам. Ножками. Ножками.

Выбор профессии по достижении 25 уровня

И это все? А чего я хотел. Перс сформирован. На выходе кое-что вещи поправят. Так, что надо ещё сделать? Посмотрю ка я интерфейс местный.

– Система, можно активировать персонаж в тестовом режиме?

Выполняю

Мир вокруг на секунду подёрнулся красной дымкой. Перед глазами появились бары жизни и выносливости. Смещаю вниз, так привычнее. Пустые полупрозрачные иконки скилов магии в правый верхний угол. Логи системных сообщений – в правый. Ну и наворотил. Как я мир вокруг видеть буду? Как из танка в смотровую щель? С этим надо что-то делать.

– Система, как можно оптимизировать интерфейс, чтобы максимально убрать оптическую информацию?

Предлагаю визуализировать бары жизни и выносливости только при снижении показателей ниже 30 % или по принудительному вызову. Скилы магических и боевых умений заменить на произнесение названия заклинания – мысленно. Системные сообщения градуировать на экстренные, плановые и текущие. Экстренные визуализировать немедленно. Плановые – по запросу. Текущие – просматривать перед сном

Я попытался осмыслить предложенные нововведения. Хм, не совсем понятно.

– Система, внести необходимые изменения в интерфейс и включи в тестовом режиме.

Ух ты! Вот теперь панорама хорошая.

#– Вы удовлетворены, Эскул? # – прозвучал приятный баритон в моей голове.

– Более чем, – уж к голосам в голове мне не привыкать. Так, подобью итог:

Эскул, Клирик, Пилигрим Ур. 0

Раса человек, кварталон,

Сила 10

Выносливость 12 (+25 %)

Ловкость 12 (+25 %)

Интеллект 10

Способности:

Боевые: владение малым клинковым холодным оружием, владение малым дробящим оружием, владение луком, арбалетом

Магические: «Разделяющая длань»

Защита: кожаная броня, владение малым щитом

Магия: 100 % защита от Магии Разума

1 ветка – не открыто

2 ветка – не открыто

Профессия – откроется на 25 уровне

Ремесло:

1 – не выбрано

2 – не выбрано #

Ну что же, пожалуй, больше из предложенного системой не вытащишь. Интересно, сколько я уже в этом великом ничто и нигде колупаюсь?

17 часов 23 минуты

– Оп-па, а система теперь и мысли мои читает? Сервис, однако.

Пора, наверное, на выход. Хотя... попытка – не пытка.

– Система, я могу получить информацию о Мире, в котором мы находимся?

Нет, Эскул, информация по географии, космогонии, истории, социологии, религии, магии, биологии, физике и химии этого Мира закрыта для дебютирующего реципиента

– Система, в каких аспектах и по каким информационным разделам я могу получить информацию о Небытии?

В любых, кроме указанных выше

Вот засада! Как всё-таки хорошо было в МИФе. Хочешь – гайды, хочешь – вики. Форумы, чаты, почта. Эх, Земля, Земля... Попробуем по-другому.

– Система, какие вопросы я могу задавать?

Вопрос должен быть сформулирован детально и специализированно. На общие вопросы ответы будут односложными

Хм. А если так. Нагло.

– Каким образом избежать гибели в первые сутки?

Система на минуту зависла.

– Хорошо играть, – мистика, но в ответе системы, мне послышался сарказм. Твою мать, она со мной развлекается! Но, скорее всего, настроена путать игроков. Ну и чёрт с ней!

– Система, давай заканчивать, пора на выход.

Закрепить выбранные параметры? Да/Нет#

– Да!

И мир рухнул.

* * *

Разбудил меня приятный мясной аромат. Резко поднявшись, с силой стукнулся макушкой об потолок и только тогда осознал, что нахожусь на печи. Кряхтя, слез, нащупывая босыми ступнями лавку.

– Проснулся, Эскул! Здоров ты спать, – великан вошёл в хижину неся на вытянуты руках котёл, исходящий ароматным паром, – поспел к обеду, садись.

Попытался лихо спрыгнуть с лавки, но тело подвело. Правая ступня подвернулась, и я рухнул на дощатый пол всем своим телом. Левое бедро обожгло пронзительной болью. Я невольно скорчился в позе эмбриона. Вдоль боковой поверхности бедра быстро наливался кровотоком глубокий разрез сантиметров десять-пятнадцать. Я тупо уставился на лужу натекающей крови подо мной.

– Придурок! – проревел великан, сдернув со стены обрывок веревки. Он лихо затянул импровизированный жгут выше места разреза, остановив кровотечение. Стащил с полки над печью льняное полотенце, в два движения разорвал его на длинные лоскуты и сноровисто перевязал рану, не забыв трижды на неё плюнуть. Затем, оставив меня лежать на полу, вернулся к столу и, как ни в чём не бывало, продолжил разливать похлёбку по глубоким мискам.

Я пристыженно встал и похромал к столу. Осторожно опустился на табурет, угрюмо уставившись в пол.

– Эскул, я же говорил тебе, используй модификатор по максимуму. Это же мини-полигон. Создал персонажа, походи, погуляй, привыкни к новому телу. Моторику протестируй. Ты чего, сразу вышел?

– Ну да... – медленно краснея, я начал осознавать всю глубину моего нубизма.

– Ха, тогда понятно. Ничего, перемелется, мука будет. Сдохнешь пару раз... а может и не пару. Поумнеешь.

– Перспектива, однако, – скривился я, осторожно переставляя ногу.

– Давай лучше поешь, а то бары после модификации в ноль скатываются, – и мы молча заработали ложками.

Через десять минут, сыто отвалившись от стола, я глубокомысленно почесал в затылке:

– Янитор, что дальше?

– Будем тебя одевать и приспособливать твои подарки! – и великан, отодвинув посуду, вывалил на стол мой универсальный ящичек с инструментами, пояс алхимика и сандалеты, – пользоваться собираешься или на продажу?

– Нет, самому согодится, только сейчас я осознал, что сижу практически полностью голый, не считая повязки на бедре.

– Тогда вот тебе базовый набор одежды, чтобы не светить по лесам голым задом, – Янитор достал из-под стола связанные в узел вещи, – шмот добротный, но практически без статусов. Одно преимущество – он будет всегда на тебе во время возрождения, немного защитит от холода и дождя. Мы же не совсем звери, – и великан мне подмигнул.

Я стал натягивать плотное исподнее сероватого оттенка, грубое с виду, но мягкое на ощупь. Приятно удивили штаны из хорошо выделанной кожи со вставками на коленях. Которые я решил пока не надевать. Холщовая рубашка с вышивкой и плотная шерстяная безрукавка с медными вставками и костяными пуговицами дополнили мой образ. Я взял со стола сандалеты и начал их одевать. Интересный у меня вид: в коже и сандалетах. Но за неимением гербовой, пишем на простой. Пояс алхимика порадовал системным сообщением:

Пояс сумасшедшего алхимика. Редкий.

Вы приобретаете Ремесло 1: Алхимия, уровень подмастерье.

У персонажа отсутствует параметр «Мудрость»

Поэтому очки преобразуют Интеллект +30

Активированы 24 слота для ингредиентов. Масштабируемый. При смерти не выпадает из инвентаря. Дает 25 % вероятность при крафте получить эликсир с непредсказуемыми свойствами #

Заглянул в инвентарь.

Перо каллиграфа. Чернильница. Записная книга путешественника. Визитка Барона Сэмади. Фигурка улыбающегося пса

Всё на месте.

– Остался инструмент, Эскул. Интересный наборчик. Давай, новорожденный, активируй. За пределами этой хижины не активированный подарок исчезнет.

Я ещё раз вчитался в его свойства:

Набор инструментов из трёх предметов. При первом использовании в мире Небытие позволяет овладеть той специальностью, для которой был использован впервые

Понятно, что нужен будет врачебный инструмент. Но какой? Всего три предмета. Алхимия даст мне фармакологию, эликсиры, антисептики при удаче. Класс и будущая профессия – способности к магии целительства. Чего-то не хватает... Чёрт. Взгляд мой упёрся в перевязанное бедро. Чего же я так туплю!

На глазах у изумлённого великана я начал снимать свежую повязку, затянув снова верёвочный жгут. Ровный разрез на бедре был покрыт свежей коркой крови, края раны потемнели. Я придвинул к себе ящик с инструментами и с замиранием сердца открыл. Внутри на чёрной бархатной подушке лежали три прямоугольных бруска тёмного белого металла. Я с удивлением

узнал мифрил. Лунное серебро. Рука протянулась к первому бруску. Металл приятно охлаждал пальцы. Я поднёс его к краям раны. И услышал голос системы:

–Желаете преобразовать универсальный инструмент в хирургический?

– Да!

– Какой?

– Хирургическая игла... #

Металл потёк, словно ртуть, в моих пальцах и через мгновение я держал изящную тонкую полулунную иглу идеальной заточки

Универсальная хирургическая игла, инструмент целителя

Другой рукой я взял следующий брусок:

– Какой?

– Шовная нить... #

Преобразования прошли гораздо медленнее, и я получил моток невесомой, но прочной нити телесного цвета, над которым на несколько секунд засияло название

Бесконечная хирургическая нить, шовный материал, бесследно рассасывается в ране через 5 дней

Я аккуратно закрепил нить на игле. Взял со стола деревянную ложку, сжал её зубами. Решительно стянул пальцами края раны и начал методично прокалывать кожу, продёргивая иглу с нитью. Жжение при этом было на удивление терпимым. Весь покрывшись липким потом, я закончил зашивать рану на своём бедре. Крупные сосуды были, слава богу, не задеты. Оставалось только связать концы привычным узлом, для чего нужно было отрезать нить по размеру. И я потянулся к последнему куску мифрила.

– Какой?

– Хирургический скальпель #

Знакомый инструмент привычно лёг в руку.

Универсальный хирургический скальпель

Легко рассёк нить. Я аккуратно сложил инструмент на вынутую из ящика бархатную подушку и посмотрел на великана.

– Янитор, у тебя есть немного вина?

– Держи, Эскул! – он протянул мне маленький бурдючок. Смочил одну из тряпиц вином и аккуратно обработал раневую поверхность, шипя и вздрагивая в особо чувствительных местах. Затем, сделав хороший глоток, вернул вино великану. Перевязал бедро и вернул на место исподнее и кожаные штаны.

Великан заинтересованно посмотрел на меня:

– Я уже думал, что меня трудно будет здесь чем-то удивить. Были тут до тебя всякие нагибаторы, прогрессоры, убивашки... Но мазохистов пока не было. Да и класс ты взял, хм, не простой. Клирик... Ты первый клирик из новорожденных. А, поэтому, вдвойне мазохист. Одно могу сказать, сегодня вечером здорово удивишься, когда очки опыта будут начислять. Если доживёшь.

– Скорее всего, не доживу, Янитор. Куда я в этом прикиде, да и оружия у меня никакого. Хотя, ремесленный потенциал обнадёживает...

– Ты чего, Эскул. Мозги в модификаторе оставил!? У тебя **универсальный** набор инструментов! Игла, нить – понятно. Но и их, при должной смекалке, можно использовать как оружие. А скальпель! Включи фантазию!

Я изумлённо уставился на возмущённого великана. Затем взял скальпель в правую руку.

– Желаете преобразовать универсальный инструмент – скальпель?

– Да

**– Выбор: скальпель анатомический, скальпель микрохирургический, ампу-
тационный нож.**

– Ампутационный нож! #

На долю секунды скальпель потёк в моей руке и преобразовался в ампутационный нож 35 сантиметров длиной. Цельнометаллический, он состоял из массивной, немного уплощённой рукоятки, широкой шейки, длинного лезвия и прямолинейной режущей кромки. Ширина лезвия была небольшая. Вблизи острия режущая кромка круто изгибалась, со стороны обушка имелось удобное дугообразное углубление, а вдоль лезвия располагалась сточная канавка.

Приятная тяжесть и хищный вид инструмента убедили меня в его потенциальных боевых качествах.

– Неплохо на первых порах, не так ли, Эскул? – Янитор хитро прищурился, глядя на меня, – а ещё учти, это хирургическая сталь с мифрилом, мало какой доспех сможет с ней тягаться. Здесь средневековые и хорошую сталь можно встретить гораздо реже драгоценных камней.

Менторский тон великана стал меня уже слегка раздражать.

– Ну, с оружием и инструментом разобрались. Что насчёт инвентаря, Янитор?

– А ничего. Халявы не будет. Мешков по тонне весом не предусмотрено. Рояля или тушу медведя не спрячешь. Но при хорошо прокачанной силе, вполне реально иметь инвентарь на 100-120 килограмм. Это помимо оружия и доспехов. Инструменты рекомендую сразу разместить в инвентаре. Так ты их быстрее можешь модифицировать под свои нужды и мгновенно использовать.

– Получается, ты поправь меня, если скажу глупость, Небытие – не совсем игровой мир. Я здесь не более суток, но мне уже неуютно.

– Новорожденный! – голос великана приобрёл металлические нотки, – а кто тебе обещал, что этот мир создан для игры людей? А? Может тебе даже сказали, что он создан, а не существует в реальности? С чего ты взял, что здесь всё должно быть, как на Земле?

– Мне никто ничего не обещал, – я постарался быть спокойным, – я всего лишь пытаюсь задавать вопросы, чтобы выжить...

Великан пристально посмотрел мне в глаза, глубоко вздохнул и заключил:

– Эскул, можешь здесь больше не задавать вопросов. Я на программном уровне заблокирован на любые наводящие ответы и разъяснения. Я уже об этом тебе говорил. Тебе придётся всё делать самому. Но ты мне нравишься, и я могу дать тебе несколько советов, не противоречащих правилам. Первое, опасайся в Небытии, прежде всего, игроков. Вас немного, но вы – конкуренты по определению. Все вы умерли в своём мире и возродились в этом. Вы все игроки и вы все одиночки. В большинстве своём – вы квинтэссенция эгоизма, парии и изгои своего социума. Беглецы. Второе, заруби себе на носу, возврата не будет, это теперь твой мир до окончания времён. Альтернативы нет. Как бы тебе не мечталось и не хотелось. И, наконец, третье. Эскул! Радуйся, живи, используй свой шанс на полную катушку! Ты же человек, чёрт тебя побери! Я изучил всё твоё досье. Респов Артём Сергеевич! Отрасти себе яйца, наконец! – и Янитор хлопнул по столу своей волосатой пятернёй так, что с него слетели пустые миски, – хватит тянуть, вставай, пошли, пора тебе сдохнуть уже пару-другую раз. Может тогда ты перестанешь рефлексировать, – и великан вскочил, толкнул ногой дверь хижины и вышел вон.

Вы вступаете в стартовую локацию Небытия, удачи, землянин

Глава вторая. Три Сестры

Янитор проводил меня по пляжу до границы леса и ещё долго стоял на берегу, пока его не скрыли ветки кустарника с тихим шорохом смыкавшиеся за моей спиной.

Песок под ногами быстро сменился шелестом прошлогодних листьев и соснового валежника. Да, да! Флора поразительно напоминала земную. Более того, соседство океана должно было намекать на пальмы и прочие экзотические растения. Но меня окружали сосны, лиственницы и ещё какие-то хвойные деревья, стволы которых переплетались пучками лиан. Дышалось легко, гомон множества птиц навевал бодрость.

Стоп, отставить. Я в чужом мире, или где? Лес – это не только птички-цветочки. Это ещё и хищники, в том числе и двуногие. На карте интерфейса пока были обозначены два объекта. Дорога, пересекавшая направление моего пути почти под прямым углом, и город в дневном переходе по этой дороге. До дороги по моим прикидкам было около 2-3 километров, или какие у них здесь меры длины. Не смотря на позитивное настроение, заставил себя идти медленнее, прислушиваясь к каждому звуку и обходя все подозрительные поляны и завалы. Сандалеты позволяли идти относительно тихо. В кожаной нубовской одежке было гораздо удобнее, чем в рясе на голое тело.

До дороги оставалось ещё полпути, когда рельеф стал понемногу повышаться и я вышел на небольшой холм, окружённый лесом и поросший высокой сочной травой, колыхавшейся под легким ветром, словно зелёное море. На вершине холма виднелось какое-то нагромождение валунов. Помогая себе руками и цепляясь за пучки травы, я взобрался на вершину. Отдуваясь и тяжело дыша, постарался оглядеться. День давно близился к вечеру, и я надеялся, что у меня есть все шансы сегодня остаться в живых. Заштопанная нога почти не болела, тугая повязка хорошо фиксировала рану, но хромота начинала надоедать.

Вокруг, насколько хватало моего взгляда, простирался лес. Позади уже почти невидно было береговой линии, только плотные кучевые облака обозначали полоску горизонта над океаном. Впереди, по изменившемуся кое-где цвету травы и листьев, угадывалась дорога. Она извивалась и уходила далеко влево, сливаясь с кромкой бесконечного леса.

Я присел на мшистый валун и решил ещё раз взглянуть на карту, чтобы убедиться, что в неё внесены новые увиденные мной земли. Гортанный клёкот резко разорвал тишину. Я вскинул голову слишком поздно. Огромные когти вцепились мне в лицо и шею. Грудь рванула дикая боль. Теряя сознание, я увидел, как клюв огромной птицы пробил мне грудную клетку, и захлебнулся кровью. Перед глазами всплыла красная надпись:

#Вы погибли от Лесного Глюва 24 уровня и будете воскрешены на точке гибели через 3 часа#

Не успел. Как и обещал привратник, солнце ещё не зашло, а я уже сдох. Принесло же этого Глюва. Сам виноват, высунулся, осмотреться захотелось. При моём-то нулевом уровне. Так, стоп, разберёмся. Почему эта птичка вообще не снесла меня за секунду? А дала потрепыхаться не меньше десяти секунд? Сделаем зарубку в памяти. Разобраться.

Возродился я всё на том же холме, уже перед закатом. Багровый лик солнца погрузился в океан. И в другое время я бы полюбовался закатом, но инстинкты заставили меня юркнуть в щель между валунами, вжаться в землю и притвориться деталью ландшафта. Надеюсь, что Глювы – не ночные хищники, не то подобные смерти рано или поздно скажутся на моей психике. Я невольно потер грудь под рубашкой в том месте, куда угодил клюв птицы. Дальше двигаться не буду. Не известно какие ночные сюрпризы в лесу шляются. Скоро по графику суточное подведение итогов будет. По крайней мере, ясно будет куда развиваться.

С заходом солнца стало прохладнее. Но нагретые за день валуны щедро делились теплом с моей тушкой и ждать было не так грустно. На небе высыпали крупные редкие звёзды. Ничего общего с созвездиями Земли не наблюдалось. Хотя я не астроном, но и в Бразилии в Южном полушарии таких созвездий тоже не помню. По таймеру интерфейса время приближалось к полуночи. В сутках здесь было 24 часа. Видимо, хозяева постарались создать Небытие приближенным к земной реальности, в подтверждение этому был и замеченный мной днем факт сходства местной флоры.

А вот это уже что-то новенькое! На небосводе над самым горизонтом появились **три** луны. Одна была по размеру значительно больше родного нам спутника, отражённый ею свет имел отчётливый красноватый оттенок. Две другие – вполовину меньше, почти одинаковые и желтели привычным цветом.

00.00 Закончился первый день пребывания в Небытии. Получено за сутки 8300 очков ЭП (Emotional gaming points). Получен уровень... получен уровень... получен уровень... ваш уровень 12. Шкала опыта 500\1300. Нераспределенных очков характеристик 22

Хм. Много это или мало? Нехитрыми вычислениями я выяснил, что для каждого следующего уровня нужно на 100 ЭП больше, чем для предыдущего и, скорее всего, за каждый уровень давали одно очко характеристик, плюс за десятый уровень дали ещё десять премиальных. Теперь надо их распределить, копить не буду, надо пробовать пути развития, получать информацию самому.

Сила, а значит и толщина тушки, у меня минимальная умирать буду часто и быстро. Руки так и чесались вложить все очки характеристик в силу. Оружие у меня одноручное, ампутационный нож, пока неизвестно какой урон наносит. Магии никакой нет, поэтому интеллект курит в сторонке. Раскидаю-ка я пока поровну между ловкостью, силой выносливостью. Одно очко оставлю на потом. А дальше – посмотрим.

**#Эскул, Клирик, Пилигрим Ур. 12
Раса человек, кварталерон,
Сила 17
Выносливость 21(+25 %)
Ловкость 21 (+25 %)
Интеллект 10 (+30 пояс Алхимика) #**

Не понял. Откуда у Выносливости и ловкости по 21? Я же по 7 добавлял! Так, так... Замечательно! Расовый бонус! Он добавляет к исходным характеристикам 25 процентов! Хм, а неплохо перспектива вырисовывается. Я смогу экономить на очках ловкости и выносливости и добавлять их в другие характеристики. И я на радостях кинул оставшееся очко в силу.

Волнение и радость придали сил. Я вылез из своего убежища между камнями, осторожно огляделся. Света трёх лун хватало с избытком. За что же я получил так много очков ЭП? И сделать то особенно ничего не успел. Умер разок, заклёванный птичкой. Больно, не спорю. Но этого маловато. Что же ещё? Какая-то мысль крутилась в голове. Точно! Я же сегодня зашивал себе рану. Значит, эмоции при нанесении себе вреда ценятся хозяевами? Надо будет и эту гипотезу проверить. А может ценными являются не только эмоции, но и их сила? Агонизирующий под клювом птицы-переростка клирик порадовал хозяев? Ну так будет вам шоу!

Я разозлился. Суки, я тут подыхать буду, а они на моих страданиях! Стоп. Успокаиваемся. Чуть какая-то... Перестаём оценивать хозяев своей меркой. Ничего невыполнимого нет. Лучше их пожалеть. Жизнь без чувств, брррр. Представить трудно.

Так, философствуя, я спустился с холма. Деревья отбрасывали три тени разной длины, что выглядело непривычно и загадочно. Приготовился к дальнейшим смертям, достав ампуционный нож, хищно блеснувший в лунном свете. Мой железный зуб!

Стараясь двигаться бесшумно, перемещался короткими перебежками из тени в тень, периодически прислушиваясь. Ночной лес жил своей жизнью. Кто-то кого-то ел, кто-то кого-то имел. Много было непонятных звуков.

Вдруг, слева ко мне метнулась тёмная тень, мелькнули ярко горящие жёлтым светом глаза с узкими вертикальными зрачками. Прежде, чем меня повалили, я яростно вслепую махнул оружием перед собой. Когда же опрокинулся навзничь под тяжёлым мохнатым телом ночного хищника, стал методично совать лезвие в тёплое подбрюшье снова и снова. Раздался хрипящий рык нападавшего. По моей руке хлынула остро пахнущая тёплая жидкость. В горячке боя начал кричать что-то невразумительное, накручивая себя и стараясь перетерпеть боль от когтей, полосующих мою спину, грудь и бёдра. Снова блеснули в лунном свете жёлтые глаза и моё сознание погрузилось во тьму.

Вы погибли от Ночного Парсума 29 уровня и будете воскрешены на точке гибели через 4 часа

Все ещё темно. Луны у самого горизонта. Хорошо, что в смертном безвременье разум включается за пять минут до воскрешения и можно оглядеться. На месте моей гибели было пусто, только рваная ряса в засохшей крови и какие-то ошметки, едва видимые в свете заходящих лун. Небо уже серело. Приближался рассвет.

Вы в течении 12 часов не употребили пищу и не выпили воды. Все параметры будут снижаться каждый час на 5 %. Обязательно поешьте

Сразу засосало под ложечкой. А вот и первые сюрпризы нового мира! Реальные ощущения продолжают разнообразить жизнь. Я поднялся и двинулся по маршруту. Не успел сделать и пяти шагов, как раздалось знакомое рычание и передо мной вновь высочил Ночной Парсум. Твою мать, вот же приставучий кошак! Только и успел я подумать, выхватывая свой ампуционный нож. Зверь не спешил нападать, а стал обходить меня по дуге, забирая вправо. Его жёлтые глаза смотрели на меня, казалось, с изумлением. Присмотревшись, я увидел, что Парсум двигается медленнее, чем в прошлый раз. Зверь явно был сыт и желудок его был изрядно отяжелён. Вот сука! Это он меня тут жрал, сволочь. Ну, ничего, не на того напал. Подавишься! Я старался отступать назад и уперся спиной в дерево. Слегка присел на полусогнутых ногах, выставив нож на уровне пояса, плотно уперев большой палец руки в удобную ложбинку у основания лезвия. Да, не очень удобно без гарды. Прошлый раз я поражал зверя в бок, не глядя. Надо менять тактику. Он выше на пятнадцать уровней. Прошлый раз не дал мне и десяти секунд. Надо успеть ударить один или два раза. Лучше в область шеи или нижней челюсти.

Хорошо строить планы, сидя в тёплом кресле у камина с кружкой глинтвейна в руке. В другой жизни...

Я не заметил, как Парсум прыгнул. Вот он ещё двигался, порывивая справа от меня. И вот уже вломился всей своей тушей мне в грудную клетку. Голова моя мотнулась, я с треском и неприятным хрустом в области шеи стукнулся о ствол дерева. Сознание затуманилось, руки безвольно обвисли, колени подогнулись, и я свалился лицом вниз. Тела ниже подбородка я не чувствовал.

Приехали... Паралич. Эта кошка мне позвоночник сломала. В глазах прояснилось, я увидел краем глаза, как Парсум, сволочь такая, лениво и нарочито медленно вернулся. Подошёл, боднул лобастой башкой мою парализованную тушку. Затем развернулся и помочился мне на

ноги. Гадёныш! Ну всё, пока этого драного кошака не замочу, не уйду. Иначе уважать себя перестану.

Онемение от затылка и подбородка дотянулось до носа и глаз. Я лежал, пытаюсь сделать вдох, но парализованные мышцы не хотели слушаться. Постепенно глаза заволокла багровая пелена. Смерть от удушья не самая приятная.

Вы погибли от Ночного Парсума 29 уровня и будете воскрешены на точке гибели через 4 часа. Вы в течении 16 часов не употребили пищу и не выпили воды. Все параметры будут снижаться каждый час на 25 %. Обязательно поешьте

Юмористы, блин. Придя в себя, начал осторожно карабкаться на то самое дерево о которое Парсум меня долбанул. Получалось плохо, но с помощью ножа, как дополнительного рычага, я это сделал в течение часа. Отдуваясь и кряхтя, огляделся с высоты пяти метров. Невдалеке от вытоптанной нами площадки начинался густой подлесок. И в паре десятков метров кусты подозрительно шевелились. Я замер, не дыша, пытаюсь слиться со стволом и негустой хвоей. Три чувства боролись внутри меня. Желание отомстить и усиливающиеся голод и жажда. Я понимал, что этот зверь не отстанет. Его природное любопытство будет отправлять меня на респаун снова и снова. До вечера ещё очень далеко, и противопоставить Парсуму я могу только один удар в уязвимую точку. Один единственный. Крит и ваншот.

Я закрыл глаза и начал медленно дышать животом, стараясь выкинуть все посторонние мысли из головы. Ждать пришлось не долго. На пяточок перед деревом снова вышел чёрный зверь. Мягко переступая лапами он медленно обходил периметр, принюхался к рваным окровавленным тряпкам, чихнул. Солнце стояло высоко, Парсуму было жарко, и он вывалил лопатообразный розовый язык. Подойдя к стволу дерева он несколько минут точил об его кору когти, затем развернулся и прилёг, начиная вылизывать лапы. Сквозь приоткрытые веки я видел его голову с маленькими чуткими ушами со смешными белыми кисточками на кончиках. Чёрная шерсть лоснилась на солнце, мощные мышцы перекачивались под шкурой зверя. Мне казалось, что я чувствую его мускусный запах. Взгляд мой упёрся ему в затылок, там просматривалась небольшая ямка у основания черепа. И я решился.

Медленно отделившись от ствола, я просто наклонился вперёд и соскользнул с ветки, держа ампутационный нож обеими руками. Я был над зверем и ветер уносил мои запахи в сторону, как и те мизерные звуки, которые я издавал в засаде. Но какое-то седьмое чувство в последние доли секунды заставило Парсума запрокинуть голову. В отчаянии, в последний момент, падая на зверя, я вогнал ему нож в раскрытую пасть. 25-сантиметровое лезвие пробило нёбо, мышцы гортани и располосовало одну из сонных артерий. Кровь хлынула фонтаном. Визг Парсума сменился клочкотанием. Падение с пятиметровой высоты не прошло даром и для меня. Дикая острая боль в ступнях чуть не выключила моё сознание. Но цель была ещё не достигнута.

Я со скрежетом вырвал нож из глотки Парсума и тут же вонзил его с другой стороны, в область ключицы. Зверь дёрнулся и затих. Бока его приподнялись ещё пару раз в последнем вдохе, затем взгляд жёлтых глаз остекленел навеки.

Я подтянулся на руках к голове зверя и принял жадными губами к потоку крови, которая толчками всё ещё выплёскивалась из страшной раны на шее. Делая крупные глотки, я вчитывался в строки сообщения системы.

Вы убили Ночного Парсума 29 уровня, который превышает ваш уровень более, чем вдвое.

Вы вкусили кровь врага и насладились жаждой мести. Человек – сам кузнец своего счастья. Вы получили дополнительный параметр Удача +1. Регенерация тканей на один день +100 %.

Вы поели. Негативный эффект «голод» снят.

Вы утолили жажду. Негативный эффект «жажда» снят.

Ампутационный нож приобретает дополнительные параметры оружия: +50 к нанесению урона по незащищённому противнику, +10 к нанесению урона по противнику в броне, 10 % шанс критического удара, 30 % шанс калечащего удара #

По телу разливалось приятное тепло сытости и удовлетворения. Я смог! Оставалось решить, что делать дальше.

Попытался встать на ноги, и тут же повалился на землю, до крови закусив нижнюю губу. Боль в ступнях была просто невыносимой. Осторожно развязав ремешки на сандалиях, я повернул штанины и обречённо устался на свои голени. Двойной двусторонний перелом большеберцовых костей. Хорошо, что не открытый, но от этого не легче. В реальной жизни я не смог бы ходить целый месяц. Ну а здесь? Остаётся только убиться и воскреснуть с целыми конечностями. Вопрос, как это сделать, будучи ограниченным в движениях? Ни повесится, ни спрыгнуть со скалы, ни отравиться возможности нет. На экзотику, типа откусывания себе собственного языка – не хватит духу. Остаётся броситься на ампутационный нож по примеру незабвенного Марка Антония.

Боль не отступала, она лишь спряталась до поры до времени, пока я не вставал и не бередил ног. Я вытащил нож, перевернулся на живот, вырыл небольшую ямку перед собой. Вкопал нож до половины под углом примерно в 60 градусов. Оставшейся длины наверняка хватит. На мне только рубашка и кожаная куртка. Примерился, приподнявшись на вытянутых руках и зависнув над острием. Досчитал до трёх и выбросил руки в стороны, зажмурившись и сжав зубы. И... Ничего. Я завис в нескольких миллиметрах от острия.

Вы не можете осознано убить персонажа или нанести ему вред. Отсутствует навык «Самоубийца»

Приехали, уже и убиться без навыка нельзя. Что же, будем выкручиваться. Прежде всего следует наладить иммобилизацию конечностей, затем найти укрытие до ночи. Я практически беспомощен, обидно будет попасть на ужин какой-нибудь твари, которая начнёт отгрызать от меня по кусочку.

Огляделся. Как назло, ни одной ровной прочной деревяшки рядом не было. Сухой валежник был тонким и ломким, а ветки ближайших кустов – кривыми и колючими. И тут мой взгляд зацепился за тушу Парсума. Кривясь, подтянулся на локтях и попробовал пролутать добычу. Ожидаемо, ничего не вышло.

Отсутствуют необходимые навыки

А вот фиг вам, хозяева! Где мой чудо – ножик? Я преобразовал его в анатомический скальпель. Аккуратно взрезал шкуру по срединной линии от нижней челюсти до паха, вскрыл брюшную полость. Вынул печень, селезёнку, разложил их на остатках рясы. Мясо Парсума было жестким и жилистым и вряд ли годилось в пищу. А вот на печень с селезёнкой я возлагал определённые надежды. Когда ещё придётся заpastись белковой пищей? Оставалось надеяться, что внутренности не заражены гельминтами. С хозяев этого вполне реалистичного мира станется.

Я вернул инструменту форму ампутационного ножа и в несколько движений отделил передние и задние лапы на уровне суставов. Ещё минут двадцать ушло на выделение и очищение костей. В итоге у меня появилась пара большеберцовых и пара локтевых костей Парсума. Ничего лучше для шин и не придумаешь. Пришлось пожертвовать верхней рубашкой от исподнего. Нарезал бинтов и тщательно зафиксировал шины на правой и левой голени. Потом взял неровный кусок вырезанной и грубо выскобленной шкуры, замотал ей обе ноги, зафиксировав ремешками от сандалий, которые предварительно осторожно надел на ступни.

Теперь я мог потихоньку ползти, подтягиваясь на локтях и не боясь повредить ступни и голени о растительность. По моим расчетам, до дороги оставалось не более километра. Солнце было ещё высоко. Придётся повторить подвиг одного земного лётчика, о котором рассказывал дед, правда, там дело происходило зимой. Но, ведь и я – не военный лётчик.

Забросив печень и селезёнку с остатками шкуры в инвентарь, я, наметив примерное направление, начал ползти. Боль была терпимой, и я воодушевился. Но мой энтузиазм иссяк достаточно быстро. Пот заливал глаза, вездесущие муравьи и мошка, казалось, лезли ото всюду. Но я полз и полз, матерясь шёпотом и отплёвываясь, останавливаясь каждые десять минут, чтобы осмотреться. Всё чаще меня стала посещать мысль, о глупости моего поступка. И перспектива быть съеденным заживо всё больше становилась заманчивее моего ползучего вояжа.

Так продолжалось два часа, когда я выполз к подножию очередного холма, у которого росли несколько вековых дубов, сросшихся корнями и кроны их образовали прекрасную тенистую площадку, на которой я блаженно растянулся. Снова стала мучить жажда. Голод я утолил, но крови Парсума было недостаточно, чтобы напиться. Сердце в груди колотилось, словно бешеная канарейка в клетке.

Дожди за много лет подмыли корни дубов и из моего лежачего положения была хорошо видна небольшая земляная пещерка, из которой тянуло прохладой и сыростью. Может там есть вода? Эта мысль подстегнула мои силы, и я с удвоенной скоростью пополз к деревьям.

Я залез под корневой свод по поясу. Видно было плохо. Ощупывая пальцами пространство перед собой, я почувствовал влажную рыхлую землю и стал копать её руками. Было неудобно, но интуиция подсказывала, что я на правильном пути. Под ладонями зачавкало, и я не успел обрадоваться, как земля ушла у меня из-под ног. И я провалился в пустоту. Полёт длился несколько секунд. Я даже успел испугаться.

Вы погибли от падения с высоты будете воскрешены на точке гибели через 8 часов

Снова темнота. Но есть преимущества. Я по колено в воде. В этом я убедился, с наслаждением напившись, когда обнаружил влагу, сойдя с единственного сухого места в зоне воскрешения. Во-вторых, ноги больше не болели, и я избавился от лубков, хозяйственно отправив кости и ремешки в инвентарь. Мало ли. Третье преимущество, темнота не была для меня полной. Может это какая-то особенность эльфийского зрения? Система о таком не предупреждала.

Нет, видно по-прежнему было плохо, но хотя бы контуры предметов я различал и не тыкался носом в стену. До полуночи оставалось три часа.

Есть не хотелось, пить, слава этой подземной пещере, тоже. Моя скудная удача сделала мне подарок. Будем выбирать. Я исследовал стены по периметру. Вторая слева имела проход, выложенный камнями в виде малой арки. Это уже интересно. Сооружение искусственное.

Прежде чем покинуть земляную пещеру, снова напился. В проходе было сухо. Неизвестно, когда ещё доберусь до воды. Флягой я до сих пор не обзавёлся. Вкус у воды был вполне приемлемым: не чувствовалось ни затхлости, ни горечи; даже слегка приятным, как из мине-

рального источника. Бодрящим. Я умылся, и постарался смыть остатки крови с кожаной куртки и штанов. Как смог. Почти наощупь.

Двинулся по прямому, как стрела проходу. Минут через десять стало немного светлее от стен, покрытых каким-то светящимся мхом или лишайником, что объяснило способность рассмотреть некоторые детали. Приглядываться было некогда. Незначительный встречный ветерок сказал мне о близком выходе на свободу. Я ошибся. Ещё через полчаса пути по коридору, который стал петлять и поворачивать в самых неожиданных местах, я начал впадать в отчаяние. Мне казалось, что свернул не в ту сторону, хотя раздвоения коридора не было.

Наконец, незаметно для себя вышел в просторный круглый зал, метров пятнадцати в диаметре, в котором было достаточно светло, чтобы рассмотреть подробности. Купол высокого пятиметрового потолка венчало отверстие, через которое попадали солнечные лучи, бросавшие странные дрожащие блики на стены. Присмотревшись, я понял, что отверстие закрыто толстым стеклом или другой прозрачной перегородкой, над которой плещется вода. И солнечные лучи проходят через её толщу, прежде чем осветить зал. Выхода из помещения не было. Я сел в центре на пол, покрытый толстым слоем пыли и медленно осмотрелся. По периметру зала на равном расстоянии друг от друга располагались глубокие ростовые ниши, в тени которых стояли какие-то статуи.

Заинтересовался ближайшей. Это была молодая девушка потрясающей красоты. Мрамор, из которого была сделана её фигура был розового цвета с красноватыми прожилками, поэтому, казалось, будто её кожа светится живой силой. Одета в мраморную белую ткань, прикрывавшую потрясающие формы, она улыбалась, слегка приоткрыв алые губы и насмешливо прищурил глаза. Мастерство скульптора поражало. Я даже отшатнулся. Показалось на миг, что статуя ожила. В правой руке девушка держала идеальный шар красного мрамора, величиной с голову человека. На постаменте под босыми ногами красавицы отчётливо была видна надпись: «Amate». Что это? Имя?

Следующая статуя изображала женщину средних лет, в простом свободном платье. Статуя была из зелёного малахита, а платье из змеевика. Женщина была беременной и сидела на пятках, бережно держа в руках шар из светло-зелёного оникса, размерами немного меньше, чем у предыдущей статуи. Надпись под второй скульптурой гласила «Spera».

Вполне ожидаемой была третья статуя. Здесь неизвестный мастер изобразил пожилую женщину. Практически старуху. Серый мрамор плаща с капюшоном оставил только лицо мертвенно бледное и печальное. Одной рукой старуха опиралась на клюку, в другой был неизменный шар из охрянно-жёлтой яшмы. Постамент из чёрного мрамора сиял светящейся надписью «Fidem».

Значит, святилище. А это, скорее всего, три богини. Заброшенное. Могил, склепов не видно. И забытое. Статуи прекрасны, дорогой материал. Расхитители гробниц давно бы уже растащили тут всё.

Я ещё раз обошёл периметр, внимательно заглядывая во все уголки и щели между камнями. Пусто. Пусто и печально. Надо подумать, как выбираться. Свод выглядит прочным, щели между камнями. Верёвки можно нарезать из остатков шкуры Парсума и связать узлами. Они уже доказали свою прочность. Ампутационный нож прочен и мой вес выдержит. Да вот только он один. Надо будет подумать, как фиксировать мой импровизированный канат. Есть ещё кости... У дикого кота они должны быть прочными. Можно наделать костыли.

Нет, сегодня я уже очень устал. Да и есть хочу. Скоро полночь. Надо распределить новые очки. То, что они будут, я не сомневался. Натерпелся за день...

Я присел у стены, рядом с розовой статуей и достал кусок печени. Соли и специй не было, пришлось заставить себя. Силы были нужны, как никогда. Я нарезал тонкими ломтиками сырую печень и принялся за поздний ужин. Ммм, а ничего так. Горьковато немного, но насыщает и вкус приятный. Нежная мякоть.

Закончив с едой и вытерев руки об одежду, я свернул шкуру Парсума шерстью вверх и пристроил под голову. Собирая остатки печени, я, по наитию, взял три куска и отнёс статуям, положив их у подножия.

Станешь тут суеверным! Наверное, Небытие изменяет меня. Думаю, невежливо будет не поделиться едой с хозяйками этого места. Все-таки я гость незванный. Поклонившись каждой статуе, на всякий случай, вернулся к своему импровизированному ложу и с наслаждением улёгся, удивляясь тому, что пол, не смотря на каменную структуру, не был холодным. Еле дождался полуночи.

00:00 Закончился второй день пребывания в Небытии. Получено за сутки 22800 очков ЭП (Emotional gaming points). Получен уровень...получен уровень... получен уровень...ваш уровень 24. Шкала опыта 100\2500. Премияльные очки характеристик 20. Нераспределенных очков характеристик 42

Хорошо насыпали. Даже премиальные очки характеристик. Интересно за что? Пока отметим для памяти. Очки характеристик – это выживание, выживание и ещё раз выживание. А распределяю как я пока не все. 31 будет достаточно. 12 про запас. Не известно, что понадобится завтра. В силу 13, а то с первого удара улетаю. И по 9 в выносливость и ловкость.

**# Эскул. Клирик, Пилигрим. Ур. 24 Раса: человек (квартерон эльфа)
Сила 30 Выносливость 33(+25 %)Ловкость 33 (+25 %) Интеллект 10 (+30 пояс Алхимика)
Удача 1 #**

Вот. Уже не пацан, какой-нибудь... Правда туповатый.

Глава третья. Мамаша Хейген

«Недостаточно быть врачом, надо ещё уметь помочь.»
Ойген Бертольд Фридрих Брехт

Попытался устроиться поудобнее на своём ложе. Закрыв глаза и мгновенно провалился в сон.

Странное чувство, все ощущения во сне очень чёткие и ясные. Я находился всё в том же помещении. Святилище выглядело несколько иначе. По стенам вились гибкие лианы, покрытые крупными мясистыми листьями, воздух был наполнен пряным ароматом цветов, крупные фиолетовые бутоны которых были разбросаны по ветвям.

Прямо под ногами протекал ручей, журча и убегая в проход, по которому я сюда пришёл. Солнечные лучи по-прежнему пробивались через водный полог на крыше и бликами дрожали на стенах. Внутри меня поселилось лёгкое и приятное чувство ожидания праздника. Так в детстве нас будит мама накануне Нового Года или, когда вместе с бабушкой вы замешиваете тесто на куличи и красите пасхальные яйца.

– Долго же у нас не было гостей! – приятный голос заставил меня обернуться. Передо мной стояла одна из трёх женщин. Беременная. – Кто ты, гость незванный?

– Эскул, уважаемая Спера, – я вежливо поклонился, – не по своей воле я побеспокоил вас, судьба привела. Провалился в яму у корней дуба, проход привёл меня в это святилище.

– Кхе, кхе, случайности предопределены, клирик, – шаркая по полу и стуча клюкой, к нам присоединилась старуха в сером плаще, – путь в нашу келью не открывается всем, кто захочет. Ты, видимо, выбрал путь целительства?

– Да, уважаемая Фидем. В прошлой жизни и другом мире я уже выбирал этот путь. Попав в этот мир, хотел бы того же.

– Почему же ты покинул свой родной мир? – звонкий, как колокольчик, голос третьей, молодой девушки застал меня врасплох. Я обернулся к ней и был поражён в самое сердце неземной красотой богини. Каждое движение, каждый жест заставляли мучительно желать её.

– Я... – попытался я ответить пересохшими губами.

– Что же ты замолчал, красавчик? – лукаво прищурилась Амате.

– Хватит, сестра, не видишь, он ещё слишком слаб для того, чтобы противостоять твоим чарам! Всё-таки любовь прекрасно справляется с Магией Разума. Но он всё же удивил меня. Спокойно заснул в нашем святилище. Поделится едой. И разговаривает, как с равными. Хотя давно должен корчиться на земле и целовать следы наших ног! – проскрипела старуха, наставив на меня сухой и узловатый палец. – В чём твой секрет, Эскул? – Фидем приблизилась ко мне вплотную и пристально уставилась на меня.

– Хм, не знаю, уважаемые, наверное, потому, что я – квартерон, – попытался я оправдаться.

– Ну конечно! – щербатый рот Фидем растянулся в довольной улыбке, – твоя бабка не устояла перед чарами эльфа и, видимо, не простого лесняка! Чую, без дочери Хаоса здесь не обошлось! – и старуха радостно захихикала.

– Лоос?! – прошипела Амате, скривив свои соблазнительные губки.

– Да, прекраснейшая, Лоос наградила меня своим поцелуем. Но это было в другом мире.

– Ты ещё молод, Эскул. И не знаешь, что истинный мир – один, но подделок, отражений, копий, отпечатков и оттисков у него множество, – наставительно произнесла, подняв указательный палец, Спера. – Что же нам делать с тобой, клирик? Ты, словно дитя, неопытное и ведомое простыми желаниями, вступаешь в мир и хочешь его изменить. Выбираешь одну из непростых дорог. Целительство. Понимаешь ли ты истинную цену своему желанию?

– Спера, мне всегда нравилось лечить людей, лечить их своими руками, сообразно моим знаниям и пониманию мира.

– Честный и наивный ответ, – проскрипела Фидем, – Целительство немного больше того, чему ты был обучен и к чему был готов. Целительство – это прежде всего способность восстановить гармонию мира. Чтобы увидеть и убрать помеху, надо изначально видеть цельность. Когда-то очень давно это мог делать каждый. Потом обитатели мира утратили эти знания. Целительство снизошло до ремесленничества. Магия и врачевание. Травничество и алхимия. Бледные тени... блики на воде.

– Я, всё же, готов встать на эту дорогу, богиня, – упрямо процедил я сквозь зубы.

– Хм, одного желания и готовности мало, ты готов на жертвы? – улыбка Фидем была многообещающей.

– Просто скажите, с чего начать, и я постараюсь вас не подвести!

– Слова мужчины, – проворковала Амате.

– Слова мальчишки, – улыбнулась Спера.

– Слова отчаяния и веры! – нахмурилась Фидем, – что же, пусть будет по-твоему, мучайся до конца времён, Эскул, – и старуха коснулась моего лба клюкой.

– Люби и будь любимым до конца времён, – Амате обняла меня за шею и впиалась страстным, коротким поцелуем мне в губы.

– Не теряй надежды нигде и никогда, до конца времён и в безвременье, – Спера подошла ко мне и повесила на шею круглый деревянный амулет на бечёвке.

Окружающий мир подёрнулся мутной дымкой, глаза мои поневоле сомкнулись, и я рухнул на пол.

* * *

Пробуждение было словно с похмелья, трещала голова, пить хотелось невероятно. А ещё возникло знакомое утреннее чувство тяжести внизу живота, и я пулей выскочил в коридор. Забежав за угол, стянул штаны и зажурчал с облегчением. Чтооо?! Твою мать! Я что, в Небытии и гадить буду? Ну, хозяйева, подарочек так подарочек...

Чем дальше, тем реалистичнее. Вам прежнего хардкора мало? Извращенцы. Я психовал ещё несколько минут, втыкая в земляные стены кулаки в бессильной ярости. Затем успокоился и принял надвигающуюся действительность универсальной философской формулой: «Да пошло оно всё!».

Вернувшись в святилище, снова хорошенько осмотрелся. Статуи были на месте. О том, что ночные события мне не приснились говорил амулет, висящий на моей шее. Внимательно пригляделся к вещице. Сделанный с изяществом, круглый амулет состоял из разных частей, выполненных из трёх разных сортов древесины: тёмно-красного, светлого, почти белого и чёрного, изображавшего три переплетённые друг с другом окружности разного диаметра.

Я подошёл к статуе беременной, постоял немного, помолчал. Надо прекращать получать подарки на халяву. Достал из инвентаря фигурку собаки и положил на постамент богини со словами благодарности. Подношение вспыхнуло ярким пламенем и исчезло, не оставив даже пепла. Амулет озарился зелёным свечением на мгновение и погас.

Богиня Надежды Спера приняла в дар фигурку улыбающегося пса из другого мира. Свойства амулета раскрыты владельцу: Амулет Трёх Сестёр, редкий, не выпадает при гибели носителя из инвентаря, невозможно украсть или подарить.

Открыта 1-я ветка магии – Магия Жизни. Уровень Подмастерье. Возможность выбрать на 25 уровне одно из ремёсел: травник, костоправ#

Ух ты! Вот так подарок. Я с сердечной благодарностью поклонился всем трём скульптурам по очереди.

Что же, пора бы и честь знать, надо как-то выбираться. Я достал собранные мной кости Парсума, шкуру и куски, порезанные на ремешки, нож. Призадумался. Попробую наделать костылей и вбить их с кожаными петлями на расстоянии метра друг от друга. Потом по ним доберусь до верхнего отверстия. Вот только смущала преграда. Что-то же сдерживает воду? Попробовать проткнуть ножом? Не факт, что получится. Да и неизвестно сколько там воды. Вдруг затопит всё помещение?

Ладно, чего тут думать, вариантов больше нет. Делать надо.

Через четыре часа мытарств я сидел посреди святилища, злой, как тысяча чертей с исполосованными руками и сбитыми коленями, и локтями. Результатом титанического труда явились вбитые в щели между камнями костяные костыли с ремёнными петлями, которые располагались в шаговой доступности друг от друга до самого отверстия в крыше. Последнее крепление вытянуло у меня все силы, и я еле спустился назад, рискуя сорваться и с содроганием вспоминая предыдущее падение на Парсума.

Придётся вбить оставшиеся про запас очки в силу. Иначе мне не выбраться на свободу. Как только я это сделал, мышцы ощутимо окрепли, по телу пробежала горячая волна, придавая мне уверенности в успехе.

Стараясь не раскачивать костыли, стал медленно подтягиваться от петли к петле и добрался до верха довольно быстро. Аккуратно сменив руку, потянулся к поясу за ампутированным ножом, вынул его и не раздумывая ткнул в самый нижний полюс водяного свода, мысленно приготовился к водопаду.

Ожидания мои были вознаграждены, но совершенно иначе. Полюс границы немного прогнулся под остриём ножа, затем водная поверхность вытянулась в гигантскую каплю и обхватила меня целиком. Я чуть не задохнулся, когда капля, всосав меня, потянула вертикально вверх и выбросила в толщу ледяной и прозрачной воды. Не выпуская из рук ножа, я стал судорожно грести к поверхности. Одежда стесняла движения. Лёгкие горели огнём, перед глазами всплыли малиновые круги...

И вдруг, в одно мгновение всё закончилось. С наслаждением, хрипя и отплёвываясь я глотал такой вкусный и желанный воздух. Каждый вдох отдавался болью в горле.

Я очутился посередине небольшого лесного пруда. Удивительно чистого и сказочно красивого. Вылезая на берег, отметил нетронутый песок небольшого пляжа. Не наблюдалось даже птичьих следов. Местечко, видимо, было заповедным. Ветви плакучих ив прикрывали пруд от возможного обнаружения со стороны лесных троп. Отжимая рубаху, я вспомнил другой пруд и весёлых лесных фейри. Как недавно это было и как давно. В другой жизни...

Солнце стояло высоко и палило нещадно. Уже через час, когда в прямой видимости между стволов деревьев замелькала дорога, одежда на мне высохла совсем. За время оставшегося пути мне не повстречалось больше ни одного зверя. Скорее всего, вокруг проезжего тракта они были пуганые. Во все времена главным хищником всегда и везде был человек. Этот мир тоже не отличался оригинальностью.

Выйдя на тракт, я на минуту задумался. Стоит ли подождать попутчиков или самому двинуться в город? Я ничего не знаю ни о людях, ни о положении в этой местности. Вдруг здесь не любят чужаков? Да и на каком языке я буду с ними общаться? С хозяев, с их изобретательностью, станется населить Небытие разноязычными народами. Это в земной Игре вопрос коммуникации автоматически решался ИскИнами. Я мне, что? Прикажете изучать местные языки? А хороший попутчик – это всегда кладёшь информации! Надписи на скульптурах богинь походили на латынь. Так я ею с академии не пользовался. Да и то, лишь медицинская терминология. Связать только и смогу, что пару крылатых фраз, не совсем цензурного содержания.

Хм, но вот то, что идущий по дороге одинокий путник менее подозрителен, чем сидящий и ждущий неизвестно чего на обочине бродяга, это факт. Так что, снова ножками, ножками! На северо-восток, к местному городу. Надо бы по пути себе легенду придумать.

Вид у меня тот ещё. Измятый весь. Локти и костяшки пальцев сбиты. Одежда после возрождения хоть и целая, но небогатая. Ни котомки, ни скарба, ни лошади. Даже ослика паршивого нет. Амулет на шее, да нож в верёвочной петле на поясе Алхимика. Вот и всё моё богатство. А вокруг средневековье, никакого прогресса...

Поэтому история должна быть простой и понятной, как медный грош. Разбойники. Напали. На караван. Дали по голове. Свалился в кусты. Подумали, что мёртвый, бросили. Очнулся – почти ничего не помню. А что, довольно правдоподобно получается. Правдоподобно... Для лохов. Серьёзной проверки моя версия выдержать не сможет. Поэтому, буду импровизировать. Деваться всё равно не куда.

Так я размышлял, шлёпая по утрамбованному сотнями и тысячами тележных колёс пыльному грунту в своих сандалиях. Дай тебе боги здоровья, Орбит! Дорога способствует философским размышлениям, разгоняет тоску. У меня, по крайней мере, так. Наверное, я слишком глубоко погрузился в созерцание своего я и, естественно, пропустил момент первого контакта с аборигенами.

– ... мать, урод, уйди с дороги! Глухой, что ли! Или жить надоело! – хриплый голос прервал ход моих размеренных размышлений и чуть не сбил меня с ног своим агрессивным напором.

Обернувшись, я увидел в нескольких шагах от себя кибитку, запряжённую парой гнедых лошадей. Ндаа... Гнедыми они были в свои лучшие годы, а эти клячи со свалывшимися гривами и заляпанными задними ногами ели последний раз, наверное, две недели назад. На облучке, занимая всё его пространство, восседала, теребя вожжи, раскрасневшаяся дебёлая бабища с просто феноменальным декольте. Рыжеволосая и конопатая дама средних лет была одета в фиолетовую блузку с открытыми рукавами, серебристый жилет и длинную кожаную юбку, спускающуюся складками на сапоги с тупыми, окованными медью, носами. От изумления я не нашёлся, что сказать.

Настойчиво мигала красным сигнальная информация в интерфейсе.

Внимание! Срабатывание артефакта «Записная книга путешественника». Подключён вербальный автоперевод на языки мира «Небытие»

А я-то жалел о самом бесполезно подарке! Да это же...! Мысли мои снова прервал сварливый говорок хозяйки фургона:

– Да этот выкидыш хромой клячи ещё и тупой! Ну я тебе сейчас! – разъярённая толстуха лихо соскочила с облучка и решительным шагом направилась ко мне. Приблизившись, она замахнулась кнутом, который держала в правой руке. Но так и замерла, уставившись в район моей груди.

Воспользовавшись заминкой, я сработал на опережение. Галантно поклонившись и выставив правую ногу в грязной сандалете вперёд, я прижал руку к сердцу и произнёс, стараясь быть убедительным:

– Достопочтенная донна, не имею чести знать вашего имени, простите меня покорно, не местный я. Разбойники напали на наш караван, и я лишён возможности предстать перед вами в подобающем виде. Не гневайтесь, уважаемая, горе помешало мне заметить ваш фургон. Я сейчас же освобожу дорогу! – и я снова поклонился.

На толстуху было больно смотреть. Когнитивный диссонанс привёл её в состояние оцепенения. Красное лицо пошло белыми пятнами, рот открылся, а глаза вылезли из орбит. Так продолжалось целую минуту. Наконец толстуха разморозилась, всплеснула руками и захохотала, приседая и похлопывая себя по бёдрам. Слёзы брызнули у неё из глаз.

– Ха-ха-ха! Караван... Ха-ха-ха... донна, – наконец она успокоилась, засунула кнут за голенище, протёрла глаза ладонями и шагнула ко мне вплотную, оперев кулаки в бока. – Не нашёлся ещё тот пройдоха, который надует мамашу Хейген, незнакомец. Вижу, потрепало тебя, это единственная правда в твоих словах, но если хочешь и дальше нести эту чепуху про разбойников и караван, то иди своей дорогой!

– Прошу простить меня ещё раз, донна, но правда слишком невероятна, чтобы вы в неё поверили, – развёл я руками.

– Ещё раз назовёшь меня донной, попробуешь моего кнута! А разных историй за свою жизнь я наслушалась столько, что хватит построить ещё одну библиотеку в Варрагоне. Не развалюсь, если послушаю ещё одну.

– Меня зовут Эскул, Эскул из рода Холиен, уважаемая. Может мы поговорим не на дороге, и вы позволите присоединиться к вам в путешествии к городу. Сидя оно и рассказывать, и слушать приятнее, не правда ли?

– Хм, хитрец. Вроде не юродивый и не прокажённый, да и Сёстрами отмечен. Ладно. Полезай со мной на лавку. В фургон не суйся, там дети спят. Меня можешь называть мамашей Хейген. Я привыкла, – и толстуха деловито развернулась и потопала к кибитке.

Я поспешил за ней. Грех было не воспользоваться ситуацией. Мамаша тронула лошадей, как только я вскарабкался на облучок. Поехали неспешно, но всё же быстрее, чем я пешком.

– Ну? Давай, Холиен, рассказывай всё, а уж я решу, достоин ты моего доверия или нет, – Хейген переложила вожжи в левую руку и смачно высморкалась на обочину.

– Да история в этом мире у меня короткая, мамаша Хейген. Я из другого мира. У себя на родине я умер и попал в ваш мир, чтобы начать всё заново. Попал вот так, как видите. В этой одежде, без еды и денег. Из оружия есть нож, в лесу добыл немного еды – печень Парсума. У вас я всего несколько дней. Не знаю ни где я, ни какая это страна. Известно мне только, что дорога эта ведёт в большой город. А в лесу бродить я уже устал. Охотиться с моим оружием сложно. Еду как-то добывать надо. Решил выйти к людям. Вы – первый человек, встреченный мной в новом мире. Простите, что соврал. Но история моя более неправдоподобна, чем ложь о разбойниках и караване.

Толстуха молчала не меньше минуты, сосредоточено уставившись на дорогу и машинально поддёргивая вожжи. Затем заговорила.

– Много на свете дорог... слышала я про таких, как ты, но самой видеть не доводилось. Много сказок про вас рассказывают, да я особо не верю... Хоронить много народу приходилось, но вот, чтобы из-за Грани. А может наврал ты, сорок бочек арестантов?! Плевать... а скажи мне, Эскул. Где ты амулет Трёх Сестёр раздобыл?

– Этот? – я указал на висевший у меня на шее подарок Спера.

– Хватит придуриваться, у тебя что, десять амулетов на шее болтается? – вскипела мамаша Хейген, – выкладывай всё! Это в твоих же интересах...

Вот ведь любопытная толстуха! А что, собственно, я теряю? Первой встречной всё выложил. Ну, скорее всего, я об этом ещё пожалею. Но это будет потом. Всё равно, всю правду рассказывать не буду.

– Я в лесу здесь недалеко ночевал, в темноте в подземелье провалился, там оказалась пещера со скульптурами. В ней увидел статуи трёх женщин: молодой девушки, беременной и старухи. Там амулет и взял, он на подставке у беременной лежал.

– Хм, заброшенный Храм Трёх Сестёр. Повезло, что выбрался, обычно случайные люди там и остаются. Навечно. Сёстры не любят воров. Видно, глянулся ты им.

– Повезло... – искренне согласился я, – а вы мамаша, чем промышляете? – кивнул я на кибитку за спиной и заметил две любопытные вихрастые головки, такого же огненно-рыжего оттенка, как у Хейген.

– Да всем понемногу. Там куплю, здесь – продам. Маркитантка я. Готовить могу, хоть на роту. Раны лечу, какие солдаты на поле боя получают. Те, что победнее, конечно, у кого на врача денег нет. Порчу отвожу, на любовь привораживаю. Тебе, кстати, не надо? А, я забыла, у тебя же ни гроша в кармане. Эх! – вздохнула мамаша Хейген, пошарила под лавкой и вытащила старый кожаный бурдюк. Вытащила зубами пробку и сделала богатырский глоток, ещё больше раскрасневшись. Протянула его мне, – пей, Холиен, попробуй местный эль, ничего так. Папашка мой, конечно, не в пример лучше варил, пусть ему за Гранью тепло будет.

Я осторожно понюхал горловину. Густой солодовый дух давно забытого напитка снова напомнил о деде. Приложился и с удивлением понял, что никогда не пил пива вкуснее. В голове сразу зашумело.

– Крепок, зараза, но хорош! Спасибо, мамаша! – протянул я бурдюк обратно.

– Ну вот, и выпили за знакомство, – удовлетворённо заткнула пробкой горловину маркитантка, – что думаешь дальше делать, Холиен?

– Ну, прежде всего, осмотреться надо, в город хочу добраться. Ремесло у меня есть, может, заработаю немного. Обживаться надо.

– А что за ремесло?

– В своём родном мире я лечил людей, как мои отец и дед.

– И хорошо лечил?

– Да, вроде, не жаловались.

– Хм, вот что, сынок, не знаю уж кто тебе ворожит, но скажу так. Не просто так ты попал сюда. Ой, не просто так! Боги ведут твою душу. Три Сестры приветили. Но самое важное, знаешь куда ведёт дорога, по которой мы едем?

– В город? – не понимая к чему клонит толстуха, пробормотал я.

– В город, да не простой. Варрагон – столица Запада. А в ней – Университет с факультетами Магии, Теологии, Юриспруденции и Медицины. И ты – Эскул Холиен совершенно «случайно» попадаешь сюда, как раз за месяц до вступительных испытаний!

– Хм, но я уже учился много лет врачеванию в своём мире. Зачем мне снова учиться?

– Послушай мудрую мамашу Хейген, – толстуха достала вересковую трубку и, ловко забив ее одной рукой, начала неторопливо раскуривать, поминутно сплёвывая на обочину, – ты в этом мире никто, даже если ты умеешь лечить, ты должен получить на это разрешение. Хотя бы диплом третьей степени, иначе угодишь в тюрьму или на суд инквизиции.

– А как же вы, мамаша, сами же сказали, что лечили солдат. Но маркитант – это торговец, или у вас то же есть диплом?

– Ха, повеселил, Холиен! – толстуха широко улыбнулась, зубы у неё были крупные, прокуренные напрочь, но целые, ни одной щербинки, – во время войны или битвы всякие руки пригодятся, никто на диплом смотреть не будет, вот и пришлось... нахвататься всякого. Война – она ведь одного дома и родителей лишит или жизни, а другого – накормит, обогатит и в люди выведет, – маркитантка вновь сделалась мрачной.

Мы помолчали каждый о своём.

– Скажи, Хейген, ты прости, что я не в своё дело лезу, но почему ты детей с собой везде таскаешь, да ещё таких маленьких? – указал я на чумазые любопытные рожицы, которые с нескрываемым интересом следили за нашей беседой из фургона, насторожив свои оттопыренные уши, словно локаторы.

– Удивляешь ты меня, Эскул. Из какого далёкого и благополучного места ты прибыл? Нигде на свете нет безопаснее места для детей, чем возле их родной матери. А я, как отца схоронила, так и шатаюсь по свету. Война отняла у меня всё, но она же и дала мне пропитание, дом и, не удивляйся, всех моих сорванцов. А кибитка для них дом, дорога их жизнь. Растут, помогают, ума-разума набираются. Я, знаешь, в молодости какая была? – пихнула меня локтем

маркитантка, – огонь! Не остановить. Дура, конечно. Богатств не нажила. Всё моё богатство – три сыночка и лапочка-дочка, – и Хейген вновь начала набивать трубку, хрипло кашляя.

– И сколько им? – я постарался поддерживать беседу, маркитантка была единственным источником информации о мире. Я поймал себя на мысли, что постоянно ищущу ник и уровень над головой этой женщины, и не нахожу. И что удивительно! Меня это уже нисколько не напрягает...

– Этим, которые тарашатся на нас, – по семь лет зимой исполнится, Тим и Том, дьяволята маленькие, – голос толстухи потеплел, – старший, Бруно, уже пятнадцатую весну отметил, скоро и отломится. Уж не терпится ему. Водится со всякой шантрапой в городе, совсем от рук отбился, – проворчала женщина, нахмутив брови, – валяется вон в фургоне, три дня назад остановились в прибрежном посёлке переночевать. Он с местными набрался сивухи и заснул на голой земле, ну а к вечеру у него на заднице огромный чирей и вскочил. Поделом! Теперь вот всю дорогу на животе в лихорадке мается. Я ему капустным листом припарки ставлю. Да что-то второй день никак не вскрыется. Как бы лихорадкой не сгорел, опасаясь. Видно в Варрагоне придётся к цирюльникам на поклон идти. А это полновесное серебро! Ох уж мне этот Бруно!

– А девочку как звать, матушка? – попытался я отвлечь от неприятных мыслей маркитантку.

– Отраду и помощницу мою ненаглядную? Марго. Мы её все ласково Тошей зовём. Вот ведь спасибо, наградил Подгорный доченькой меня грешную... Пусть огонь в его печи никогда не потухнет!

– А что, мамаша, далеко до города ещё?

– К ночи будем. Скоро на привал встанем. Там, за холмом, дорога поворот у родника делает. Я повязку Бруно поменяю, похлёбки поедим, отваром травяным угощу.

– А разрешишь сына посмотреть, мамаша, может чем и помогу? – забросил я удочку.

– А и смотри, Эскул, на здоровье. От сглаза он у меня ещё в детстве заговорён. Старая Герда толк в этом знает. Ну а мне любопытно глянуть на то, что ты можешь.

– Лады, Хейген, я бы ещё узнать хотел, как у вас всё устроено, кто с кем воюет, какие страны рядом, что в ходу... Даже и не знаю. Всё, что не расскажешь, мамаша, всё полезно будет. А я добра не забуду. Найду, как отблагодарить. Клянусь.

– Это ты чего сейчас наболтал, Холиен? Что знаю, я и так тебе расскажу. Нужна мне твоя благодарность, как борову железная кочерга. Мамаша Хейген за жизнь свою не лёгкую, да грешную много чего узнала. И в людях с первого раза разбираться научилась. Не легко тебе будет у нас, Эскул Холиен. Видно не зря боги тебе испытание новой жизнью устроили. Прогневил ты их. Ну да это твоё дело. Спрашивай, дорога длинная, – и маркитантка снова потянулась к трубке.

– Мамаша, ты сказала, Варрагон, в который мы едем, город не простой, можно поподробнее?

– Варрагон – столица Западного герцогства Королевства Маладор. Уже больше пятисот лет, маладорцами правит династия Реконов, предки которых отобрали эти земли у Южных Эльфов в Войнах Крови. С тех времён эльфы в наших местах встречаются только в людских сказках, да на ярмарочных кукольных представлениях.

– И что, во всём мире не осталось ни одного эльфа? – постарался я скрыть своё сожаление, сыграв заинтересованную задумчивость.

– Ну почему же? Далеко на востоке, за Разделительным Хребтом, живут многие племена Лесных Эльфов. Поговаривают, что и на Северных Предгорьях, в месячном переходе от Говорящих Вершин, есть земля, где поселились дреу. Там всегда дрожит земля и горячая вода вырывается из недр, там пахнет серой и вечный туман. Врут, наверное! Я-то сама в своей жизни эльфов всего пару раз и видела. Один в Варрагоне советником у герцога нашего служит. Степных, да лесных орков – полно, они на каждую войну, как мухи на мёд слетаются. Знатные

наёмники. Победить их на поле боя может только сильная магия, ну и гномий хирд, конечно. Хотя нет, что это я? Островные чужаки тоже знатные воины. И в море им равных нет. Там против них ни орки, ни гномы, ни дроу не устоят.

– А кто же правит в Варрагоне? – попытался я вернуть на интересующую меня тему маркитантку.

– Так я же сказала, герцог, Альберт Варрагонский. Он тоже из династии Реконов. Двоюродный брат короля Себастьяна Седьмого. Тот ещё мясник! Но порядок при нём железный. Уж больно важен город. Тут тебе и верфи, и порт, университет... а рынок наш побольше будет, чем столичный. А столица наша? Рекона... Красивее её во всём свете не сыщешь! Тамошний дворец ещё эльфы построили. Была там пару раз, в позапрошлую войну. Народу тьма тьмушая. Снуют. Как головастики. Бррр.

– А что, мамаша, нет ли войны сейчас какой? – заинтересованно наклонился я, пытаюсь избежать густых вонючих клубов дыма из трубки.

– Да уж почитай семь лет нет никакой войны, – тяжело вздохнула и загрустила Хейген, – торговли почти никакой, да и товар дрянь дрянью, выживаю на старых мародёрских запасах. Даже курить этот горлодёр стала, а не мой любимый «Бархатный Камзол». Вот то табак! Всем табакам табак! Душа так и разворачивается! – вздохнула маркитантка.

– Так может хорошо, что войны нет, а, мамаша? Народу спокойнее, урожай собирают, а не жгут. Люди не умирают. Радость и мир.

– Радость и мир? – глаза маркитантки стали наливаясь кровью, – не умирают? – и тут вдруг резко успокоилась, – забываю, Холиен, что ты не из нашего мира... хочешь совет от мамы Хейген?

– Хочу! – искренне согласился я.

– Для начала, запомни, или, не знаю, вбей себе в голову! Как бы не хотелось тебе вмешаться, рассказать или поделиться своими знаниями. Похвастаться умениями. Молчи и слушай, молчи и набирайся опыта. Не лезь в глаза и не в своё дело. Иначе, сложишь голову на плахе. Навидалась я таких блаженных учёных мужей. Всё мир спасти хотели. Теперь спасают, кхе-кхе... Кто где. Кто – на каменоломнях, кто – за Гранью...

– Постараюсь, мамаша Хейген...

– Постарается он. Горбатого могила исправит.

– А что, мамаша, в университет всех желающих берут?

– Ха, держи карман шире! Туда отпрыски богатых семей поступать приходят, либо маги своих подмастерьев рекомендуют. А ещё, бывает, жрецы Одного с острова Табернус каждый год десятерых кандидатов привозят. Хотя постой, двоих-троих будущих дисциплией монастырь Трёх Сестёр готовит к испытаниям. Вот, пожалуй, и все возможности.

– Тррр, – мамаша остановила лошадей и соскочила с лавки, повернув голову в сторону фургона, – подъём лентяи! Готовьте лагерь! Тим и Том, валежник для костра, живо. Да котёл с треногой тащите. Тоша! Чисть лук и коренья. Бруно! А, ослиная отрыжка, забыла... Лежи, не вставай. Мы с мастером Холиеном потом тебе поможем.

Дети повыскакивали из фургона. Сразу было видно, что делают они давно привычную работу. Близнецы рванули в подлесок. А худенькая рыженькая девочка лет тринадцати притащила к роднику двухведерный котёл, предварительно отвязав его от железного крюка, торчавшего из боковой стенки повозки. Маркитантка указала мне на полог фургона.

– Пойдём, Холиен, поглядишь на Бруно, – и мы по очереди влезли на кибитку. На куче старого тряпья, на животе лежал парень лет шестнадцати-семнадцати. Вся его рубаха была мокрой от пота, волосы сбились в колтун. Он обернулся на скрип ступенек.

– Лежи, сынок, мастер Холиен осмотрит тебя, – толстуха откинула старое лоскутное одеяло, убрала заскорузлую тряпицу с ягодиц парня.

Да, давненько я такого не видывал. Правая ягодица была раздута, как футбольный мяч и была больше левой чуть ли не вдвое. Как только тряпица открыла кожу, удушливый сладковатый смрад наполнил внутренности фургона. Концентрация миазмов была такой, что даже глаза заслезились. Фурункул размером с кулак взрослого мужчины располагался в верхней трети ягодицы и переползал на область крестца. Ткани вокруг гнойника приобрели сине-фиолетовый оттенок. Капустный лист, частично прикрывавший фурункул давно сморщился и почернел. Пересиливая рвотные позывы, я обратился к маркитантке.

– Хейген, мы можем вскипятить воды? И ещё, мне бы немного вина или уксуса. Есть у тебя?

– Тоша воду уже греет, а чего это вином побаловаться решил?

– Всё покажу, верь мне. Неплохо бы ещё тряпиц чистых на перевязку.

– Ох, Холиен, разоришь ты меня!

– Не жмись, мамаша, сына тебе лечу. Да, вот ещё. Я там у родника иву кривую видел. Скажи близнецам, пусть листьев с неё и коры насобирают, да крутым кипятком в плошке залиют. Листьев – на четверть, остальное – вода. Да накроют тряпками. Часа три настоится. Потом этим отваром поить Бруно будем. От жара и лихорадки.

В фургон сунулась чья-то рыжая голова.

– Вода вскипела, мастер Холиен!

– Отлично. Отлейте немного в миску.

Я не успел достать свой инструмент, как в кибитке вновь появилась, маркитантка, сварливо бурча.

– Это где это видано, вином чирьи лечить!

Я принял у неё глиняную миску с кипятком. Хорошо, что чистая. Видно не поленились вымыть.

– Ложку дай, – протянул я руку к мамаше. У той, видимо, уже кончились аргументы, и она молча протянула мне деревянный прибор. Я подлез к Бруно.

– Парень, зажми ложку зубами. Будет больно. Но ты терпи. Если я не вскрою гнойник сейчас, то завтра ты умрёшь.

Бруно молча протянул руку, схватил ложку дрожащей рукой и прикусил её зубами. После, так же молча, отвернулся. Я взял чистые тряпицы и под возмущенное сопение мамаша разорвал на узкие полоски. Осторожно смочил одну, и вытер кожу над фурункулом от остатков примочки. Затем, тоже самое проделал тряпицей, предварительно смоченной вином. Достал нож, который еще в инвентаре модифицировал в хирургический скальпель. Протер вином и его. Забавно было смотреть на округлившиеся глаза Хейген.

– Приступим, мамаша! – и решительно сделал первый поперечный разрез.

Глава четвёртая

*Не научишься глотать дерьмо – не пробьешься.
«Мамаша Кураж и ее дети». Бертольд Брехт.*

Под глухое подвывание Бруно я постарался быстро и скупно провести крестообразный разрез над фурункулом. Затем, отложив скальпель, аккуратно, насколько смог, очистил смо-ченным в вине тампоном гнойную полость. Прижал закровившую рану чистой тряпицей и потянулся за иглой с нитью. Сукровица и обильный гной мгновенно пропитали мою импровизированную повязку. Дааа. В таких условиях, ни о какой асептике и антисептике не могло быть и речи. Просто скотобойня какая-то. Сладковатый запах усилился.

Возможна активация способности «Разделяющая длань». Да/Нет

Конечно «да», мне в копилку всё пойдет. Пацана спасти надо. Задницу я ему уже разрезал, осталось спасти от заражения крови.

Левая рука потеплела, от неё стало исходить едва заметное зеленоватое свечение, практически невидимое при дневном свете. Бруно вдруг успокоился и затих. Я склонился над ним и увидел, что мальчишка спит крепким сном, а из уголка его открытого рта вытекает струйка слюны, стекая на выпавшую ложку. Осторожно отняв руку с мокрой повязкой, я убедился в девственной чистоте раны и остановившемся кровотечении. На глазах у боявшейся пошевелиться от изумления маркитантки я наложил швы на края, оставив небольшой участок, куда вставил для дренажа небольшой лоскут ткани, пропитанный вином.

Хм, пожалуй, моя способность не только избавит от возможных инфекционных послеоперационных осложнений в будущем, но и позволит лечить различные виды патологии. Интересно, а опухолевые клетки расцениваются системой, как живые, или неживые? Очень интересно...

– Холиен, ты не говорил, что ты ещё и цирюльник?

– В моём мире такие операции может делать только врач, а цирюльники и парикмахеры просто делают людей красивыми.

– А кто же отворяет кровь и выводит дурную желчь из больных? – пришедшая в себя Хейген, была сама любознательность.

– Мы ещё поговорим, мамаша, об этом и о многом другом. А пока надо перевязать твоего сына и оставить отдыхать. И не забудь напоить его ивовым отваром, когда проснётся! Через несколько часов, жар может усилиться.

Она помогла мне туго подвязать поверх повязки простыню, и мы вылезли из зловонного фургона на свежий воздух. От костра соблазнительно пахло похлёбкой. Дети Хейген расставляли нехитрую посуду, раскладывали луковицы и нарезали хлеб.

– У тебя крепкий сын. Мало кто в его возрасте так сдержано ведёт себя на операции, – сделал я комплимент маркитантке.

– Весь в папашу. Тот тоже был упрям, как осёл, но наёмник был знатный, хоть и кобелина... Утонул... Это в ту войну было, когда наш король с соседним князем торговые пути не поделил. Герман красавец был, высокий, усищи чёрные. Ну я и поплыла... Он уже умер, товарищи весточку принесли, когда я родила Бруно. Первенец он мой, непутёвый...

Мы подошли к костру, расселись вокруг снятого с огня котла. Тоша раздала ложки и миски, начала черпаком наливать похлёбку. Обед прошёл в молчании. Только близнецы, хитро поблёскивая глазами в мою сторону, шушукались в кулачки, пока не получили по звонкой затрещине от мамашы Хейген. Наконец площадки опустели и даже были выскоблены остатками

хлебных корок. Маркитантка набила свою неизменную трубку и поманила меня к фургону. Дети начали быстро сворачивать лагерь. Девчушка залила костёр, затем отнесла горшок с ивовым отваром в фургон, пробыла там какое-то время и вернулась к нам.

– Бруно проснулся? – спросила её толстуха.

– Да, ма, пить очень хотел. Я ему отвара дала, так он полгоршка выдул и снова завалился.

– Пусть спит, сколько нужно. После отвара он только часто в туалет будет ходить. Надо бы ему горшок или ёмкость какую поставить в фургон, – озаботился я, – а то вставать и садиться ему ещё сутки нельзя будет...

– Вот ещё, Эскул! Будем мы ему ещё судно таскать... Там доска в полу фургона отодвигается, через дырку посылт, не переломится, – мамаша вскочила на облучок и в ожидании посмотрела на меня.

Я поспешил за ней. Близнецы и Тоша попрыгали в кибитку, и мы снова тронулись в путь.

– Хороший у тебя инструмент, Холиен. И нож, и игла. Я такие только у врача – регента в Варрагоне видела, когда ему второго мужа своего привозила, отца Тоши. Он ему тогда лицо и шею штопал, по пьяной лавочке зацепился с ландскнехтами. Слово за слово. Дурь попёрла. Мечи достали... Дальше – сам понимаешь.

– Это подарок старых друзей, Хейген, ещё из прошлой жизни...

– И с отваром у тебя ловко вышло, Тоша сказала, жар спал и уже не приходит вновь. А Бруно спит, как младенец. Ты ещё и травник?

– Здесь ты ошибаешься, мамаша Хейген. О травах я знаю очень мало и знания мои разрозненны, хотя и глубоки. Хотелось бы найти учителя, знатока. В моём ремесле тинктуры и экстракты, настойки и отвары очень много полезного могут сделать. Не всё можно решить острым скальпелем.

– Правда твоя, мастер Холиен. Я тут думала, глядя на то, как ты сыну моему помогал. Надо, ой надо тебе пробиваться. И диплом получать. Нет у тебя другой дороги, кроме, как в университет Варрагона. Но человек ты в королевстве чужой, веры неизвестной. Нет у тебя здесь ни поручителей, ни влиятельных знакомых. Да и денег нет. Совсем. Есть у меня мысли, как помочь тебе. Я сама в Варрагоне собиралась до весны пробыть. Малость товара есть, рас торгуюсь. Место у меня на рынке прикормленное. Там и жить буду. Мы, когда в город приедем, я тебя кое-куда отвезу. Монастырь Трёх Сестёр. Тамошняя настоятельница, Мария, подруга моя давняя. Ну да то тебе знать не обязательно... Монахини больницу для бедных содержат, да постоялый двор. Дел там много. Наймёшься в работники, будет тебе еда и крыша над головой. А я Марии за тебя словечко замолвлю, только и ты меня не подведи! И запомни: каждый год университет выделяет пять мест для монастыря. Правда, давно уже никого на учёбу сёстры не отправляли... Покажи себя. Всё в твоих руках, Эскул.

– Вот это да, мамаша, спасибо! Не ожидал... – я был смущён таким вниманием.

– Пока не за что, клирик. Многое зависит от тебя и твоей удачи. О, вот и Варрагон показался, как и говорила, не успеет солнце сесть...

Дорога перевалила вершину холма и начала извивающийся спуск со многими поворотами. Перед нами предстала, простирающаяся на сколько хватало глаз, широкая зелёная долина, примыкающая к глубоко вдающемуся в берег заливу океана.

В долине, словно фигуры на шахматной доске, вдоль залива выстроились дворцы один другого прекраснее. Разноцветный отделочный камень, мрамор, плитка самых разных цветов отражали лучи заходящего солнца. Между дворцами, утопающими в зелени деревьев, то там, то здесь вздымались высокие шпили одиноких башен неизвестного назначения. На их верхушках развевались длинные разноцветные вымпелы.

Центр Варрагона с дворцами был окружён стеной из белого камня с резными зубцами. Кварталы победнее примыкали к этой стене вплотную и тянулись в разные стороны по всей долине, словно брызги от брошенного в воду камня. Внешняя городская стена представляла

собой титаническое сооружение. Тёмно-серый гранит вырос из глубокого рва, заполненного мутной водой. Я насчитал, по крайней мере, дюжину круглых башен, возвышавшихся в наиболее уязвимых частях стены. В правой части залива долина была застроена одноэтажными аккуратными домиками, ровными рядами, выстроившимися вдоль берега. У причалов были видны самые разнообразные корабли. Разноцветье парусов и множество мачт закрывали от наблюдателя поверхность воды.

Величественная картина города заставила нас с мамашей смолкнуть на несколько минут. Фургон спустился ниже, и большая часть города скрылась за кронами придорожных деревьев.

– Он великолепен, – всё ещё под впечатлением от увиденного, прошептал я.

– А я что говорила, мастер Холиен! Другого такого нет на всём побережье, – гордо подняла подбородок толстуха.

Много городов я видел на свете. И в реале. И в Игре. Но в Варрагон я влюбился с первого взгляда.

Южные ворота, в которые мы въезжали, были широко распахнуты. Скучная вереница путников выстроилась на входе в небольшую колонну. На воротах стояла стража в лёгких доспехах с треугольными щитами и копьями украшенными синими бунчуками. Мост через ров был достаточно широким, чтобы разминулись две телеги, но в створы ворот, укреплённые клёпанymi полосами бронзы, одновременно могли проехать либо два всадника, либо одна телега.

– Холиен, варежку закрой! Амулет под куртку спрячь и особо не болтай. На воротах боевой маг и представитель Инквизиции, проверяют всех входящих. Спросят, что, первой буду говорить я. Понял? Имя своё можешь сказать. Куда идёшь? В обитель Трёх Сестёр, пилигрим, на службу наниматься. Родом, скажешь, с прибрежных островов Великого моря. Там их сотни. Чего молчишь?

– Всё понял, Хейген. Ещё раз спасибо, я этого никогда не забуду! – искренне поблагодарил я, оглянувшись на фургон, из которого ожидаемо торчали любопытные головы детей.

Когда, наконец, подошла наша очередь, солнце уже почти скрылось за вершинами холмов, окружавших город. К кибитке приблизился один из стражей. Доспех на нём выглядел внушительнее и дороже. Он был без щита, в кольчуге до середины бедра, на наборном поясе висел меч-бастард и подвешен за ляжку шлем-барбют. На голове – войлочный подшлемник, пропитавшийся потом за долгий день. Пошевелив великолепными пшеничными усами, он обратился к маркитантке:

– Что старой шлюхе Хейген понадобилось в Варрагоне? Соскучилась?

– Да уж не по тебе, Дитрих. Свиное ты рыло!

И оба заразительно расхохотались. Воин подошёл к кибитке вплотную и хлопнул латной перчаткой по ободу колеса.

– Привезла? – вопросительно посмотрел он на толстуху.

– Привезла, привезла, завтра на рынок с утра зайдёшь, как сменишься и заберёшь, как договаривались.

– Добро, Хейген. А что это у тебя на лавке за красавчик? Вроде бы не знаю его. Нового любовника завела, а, мамаша?! – и усач снова рассмеялся.

– Эскул это, пилигрим, в обитель Трёх Сестёр следует, обет у него.

Позади воина показалась высокая фигура человека, облачённая в серую рясу. Его худое лицо отдавало желтизной, белки глаз были испещрены лопнувшими сосудами, синюшные губы сжаты в тонкую полоску. На поясе висели деревянные чётки.

– Эскул? Странное имя. Откуда ты, пилигрим? – неприятный сиплый голос незнакомца раздражал своей вкрадчивостью.

– Эээ...

– Отвечай, когда тебя спрашивает отец-инквизитор! – нахмурился воин.

– Так родители назвали. Эскул из рода Холиен. С островов я, Великого моря.

– А откуда об обители узнал?

– Так, это, по-разному. Купцы рассказывали, да что там. С детства мечтал помогать больным и раненым. Вот вырос и решил идти в Варрагон... – попытался я добавить сентиментальных ноток в свой импровизированный рассказ.

– Ну, ну. Холиен. Сестры быстро у тебя из башки романтику выбьют, – инквизитор быстро потерял ко мне всякий интерес и, махнув рукой усачу, удалился.

– Привет, Хейген! – к нам подошёл молодой человек приятной наружности с располагающей улыбкой. Его щегольской камзол и берет с пером чибиса были безупречны. Он слегка поклонился маркитантке.

– Мастер Иезекиль! Рада вас видеть. Как поживаете? – расплылась в улыбке толстуха.

– Вашими молитвами, мамаша, вы к нам надолго? – Иезекиль медленно обошёл кибитку, подняв правую руку ладонью наружу, удовлетворённо кивнул усачу.

– Думаю остаться до весны, мастер. Нам можно ехать, Дитрих? – обратилась она к стражу.

Усач отступил с дороги крикнул:

– Проезжай, старая ведьма! И не забудь, завтра жди в гости!

Фургон тронулся, и по опустившимся плечам мамаша я понял в каком напряжении она находилась до сих пор.

За воротами вопреки ожиданиям не было узких улочек и грязных подворотен. Широкий проспект, мощёный тщательно подогнанным камнем, вел к видневшейся вдали белой стене внутреннего города. По обочинам дороги располагалось множество одно и двухэтажных домов с огородами и приусадебными участками, иногда виднелись даже целые поля с оросительными каналами. Красные черепичные крыши, много фруктовых деревьев, отягощённых плодами, резные флюгеры на башенках мезонинов и печных трубах... Сказочное место...

– Мамаша Хейген. А мы поедem во внутренний город?

– Нет, Эскул, только до стены. Внутрь – рылом пока не вышли. Обитель расположена как раз перед самой стеной и занимает несколько лиг. Там и кельи, и постоялый двор, и больница с приютом. Всё честь по чести. Сам увидишь.

– Забыл спросить, мамаша Хейген, а кто это был там у ворот?

– Это который?

– Молодой франт, вы его мастером Иезекилем звали.

– Ааа... этот. Дежурный маг. Он тут Факультетом Магии поставлен, чтобы в город всякая нечисть не пролезла.

– А какая нечисть, мамаша?

– Ну навьи всякие, доппельгенгеры, вампиры, чернокнижники, личи, да много всякой дряни на свете. Герцог и Городской Совет обязали магов за этим следить особо.

– Ну а инквизитор зачем на воротах следит?

– Так известно зачем, Инквизиция в городе учёт ведёт прибывших-убывших, рождение и смерть регистрирует, летопись ведёт. Перед герцогом и отчитывается.

– Вот значит, как, а в моём мире они все больше чистоту веры блюли, ведьм вылавливали, да сжигали на кострах, ересь вытравливали в народе!

– Нет, не за чем им это. Есть Суд Герцога, Суд Городского Совета, Городская Стража. Инспекторы инквизиции официально ведут расследования светских преступлений. Только вот, Эскул, веры то единой в нашем городе нет. Есть церкви Одного, обитель Трёх Сестёр, Очаг Подгорного, святилища Друидов, но последние не в городе, а в лесу. И это я ещё не всех назвала. У Северных чужаков, например, свой бог, морской. Так они святилищ не строят. Только алтарь на каждом корабле.

Не доехав четверть лиги до внутренней стены, мы свернули на прилегающую улочку и подъехали к двухэтажному длинному каменному зданию с узкими оконцами, в которых вид-

нелись разноцветные витражи. Кованая ажурная оплётка дубовых ворот, заросли дикого винограда, достигающие второго этажа. Белёные стены и привычная уже здесь красная черепица.

Толстуха остановила лошадей.

– Жди меня, я скоро, – передала мне вожжи и посеменила к неприметной калитке рядом с воротами. На тихий стук вышла женщина, держащая в руке огромный чугунный фонарь. На улице были уже сумерки и мне не удалось ее как следует рассмотреть. Увидев маркитантку, женщина с фонарём отступила внутрь дома и выпустила толстуху, закрыв за ней дверь. «А не бедно живут в Обители!» – подумал я, рассматривая убранство дома и оценив художественную красоту ставень. Имелся даже водосток и дренажные канавы вдоль самого настоящего мощёного тротуара. Город всё больше не походил на знакомые мне исторические описания средневековых средоточий цивилизации. Неестественная чистота, широкие улицы, инквизиция, объединяющая функции уголовного розыска и миграционной службы! Магия и Религия в одном государстве... , пожалуй, надо быть внимательнее и перестать быть рабом стереотипов. Ошибки могут дорого стоить. Я решил и дальше придерживаться прежней тактики: чаще помалкивать, осторожно спрашивать, внимательно слушать и запоминать услышанное.

Наконец калитка отворилась, из неё вышла Хейген и поманила меня. Я привязал вожжи к крюку на облучке и приблизился к воротам.

– Мария, это тот самый Эскул, о котором я говорила. Холиенн, а это – Прима обители Трёх Сестёр, Мария Золано. Теперь твоя жизнь и будущее в её руках. Я поеду, надо успеть до полуночи занять место на рынке. Завтра вечером навещу тебя, узнаю, как устроился.

Я глубоко поклонился маркитантке и внезапно, по наитию, шагнул к ней, взял её руку и поцеловал. Некоторое время изумлённая толстуха не могла ничего сказать.

– А ты не говорила, Матильда, что твой протеже благородного происхождения, – мягкий грудной голос раздался из темноты дверного проёма, – не будем тебя задерживать, проходите Холиен, не стойте столбом.

Я шагнул в темноту и увидел двух женщин, одетых в рясы таким образом, что были открыты только кисти рук и голова. Волосы у обеих были стянуты в тугие узлы и украшены деревянными заколками с какими-то символами. У одной в руках был уже знакомый мне фонарь, которым она освещала лестницу за своей спиной.

– Следуйте за нами, клирик, – вторая женщина, скорее всего именно она была та самая Прима обители, повернулась и стала подниматься по лестнице.

Мы вышли на балюстраду, стал виден внутренний двор дома, погружённый в темноту. Пройдя по галерее, мы спустились, а затем поднялись ещё по двум лестницам. Прошли между несколькими одноэтажными постройками и оказались у другого дома, в темноте напоминающего длинный ангар. Открыв двери, оказались в просторной прихожей, из которой шёл коридор вдоль внешней стены дома. Освещён он был маленькими трёхрожковыми канделябрами.

Прима подошла к пятой по счёту двери и открыла её ключами из связки на поясе. Вторая сестра зашла в открывшуюся комнату, ловко зажгла у двери свечу в подставке от карманного огнива.

– Клирик, жить будешь здесь. Завтрак в шесть утра, не опаздывай, потом получишь наряд на работу и специальную одежду. Старайся не опаздывать, ждать тебя никто не будет. Завтра, когда освобожусь, побеседуем. Все вопросы сестре Абигайль, – и Прима Золано удалилась, тихо шурша полой рясы.

Я молча развернулся к второй женщине. Точнее молодой девушке. Её простое лицо было сосредоточено, ладони сложены на груди, глаза опущены. Я заметил, что кожа на кистях рук была грубой и сухой, ногти обрезаны максимально коротко. М... да, белоручек здесь не держат.

– Простите, сестра Абигайль, не подскажете, где я могу умыться с дороги и...

– Брат Холиен, отхожее место во дворе справа от дорожки, по которой мы шли. Возьмите свечу, там темно. Умываться можете в комнате, там есть таз, кувшин и льняное полотенце. Вода во дворе в колодце.

– Спасибо, дорогая, а мыло или что-нибудь его заменяющее?

Лицо Абигайль потемнело, ладошки сжались в кулачки.

– Брат Холиен, в таком тоне недопустимо обращаться к сёстрам Обители! Вы – новичок, поэтому на первый раз простительно. Но впредь, называйте меня «сестра Абигайль» и никак иначе! Днём вы можете ходить свободно по всей территории, кроме корпуса с кельями сестёр. С наступлением ночи ваши перемещения ограничиваются крылом наёмных работников, то есть этим зданием и двориком. Наряд на работу получите завтра после завтрака, спокойной ночи, – и девушка, круто развернувшись, открыла дверь и канула в темноту. Обиделась. Но я же не знал.

Тяжесть внизу живота напомнила о новых, не совсем приятных, способностях моего персонажа, и, плюнув на умывание я пошел искать сортир. Выйдя во двор, я убедился, что, не смотря на все три взошедшие луны, освещённость места оставляет желать лучшего. Множество высоких и густых деревьев, растущих на каждом свободном клочке территории, заставили меня пожалеть об оставленной в комнате свече.

Усилившееся бурление в животе подстегнуло мыслительные способности и напомнило, что, по совету сестры Абигайль, двигаться нужно вправо. Вскоре характерный запах привёл меня к внушительному сооружению с несколькими дверями на задвижках, стоящему у забора. Хм, серьёзно тут у них. Классических окошек в виде сердечек в дверях не наблюдалось, как и дополнительного освещения. Торопливо войдя в крайнюю из дверей, я не стал её закрывать. Так создавалась хоть какая-то иллюзия света. Внутри пришлось сразу зажмурить заслезившиеся глаза. Я постарался ногой осторожно прощупать пространство впереди себя. Слава богам, ветерок, ворвавшийся в распахнутую дверь позволил мне всё-таки открыть глаза и осторожно водрузить свою тушку на помост.

Потолки туалета были высокими, и я без помех подготовился к исполнению своего первого в Небытии акта дефекации. Свершившееся вскоре событие, не скрою, принесло мне значительное облегчение. И даже не неприятные запахи, не скрипучие доски помоста, не темнота – не смогли омрачить моего счастья. Зато, его омрачила вполне трезвая и конкретная мысль о том, что я забыл о самом важном. Дело сделано, а средств гигиены в данном помещении не наблюдается. Да и откуда им взяться, книгопечатание в зачаточном состоянии, бумага дорогая, а ближайшие растения с широкими и мягкими листьями – в лучшем случае растут у забора. Успокаивая себя тем, что темнота всё спишет я привстал, поддерживая штаны правой рукой, и намереваясь, аккуратно сойдя с пьедестала, просеменить к искомым растениям. Естественно, при этом мысли мои были полны мало цензурных выражений и словосочетаний. И, скорее всего, моя ночная эпопея закончилась бы успешно. Если бы. Если бы, Аннушка не разлила масло (6).

Очередной порыв так помогавшего мне ветра с силой захлопнул дверцу туалета. Скорее от неожиданности, чем от страха, я суетливо сделал шагок вперёд. Ограниченные спущенными штанами ноги, сделали это по-своему. Подошва правой сандалиии встретила пустоту. Я покачнулся, взмахнул руками. Просторное помещение не позволило опереться даже на стены. Левая нога скользнула на доске. «Боже, какой позор!» – недоумённо пронеслась мысль у меня в голове. Одновременно с ударом моей головы и лопаток раздался страшный треск досок. Уга-сающее сознание успело уловить потрясающую вонь, а уши – влажный хлюп. И всё померкло.

#Вы умерли, захлебнувшись фекалиями в бессознательном состоянии в отхожем месте обители Трёх Сестёр. Вы будете возрождены через час в десяти шагах от места гибели.#

Твою мать! Я лежал в зарослях так вожаденного мной лопуха у забора. Три луны насмешливо и весело светили надо мной. Хотелось смеяться и плакать. О, боги! Умереть в сортире. Победить лесного кота, выше себя уровнем и умереть в сортире, захлебнувшись дерьмом! Эпический провал миссии. Я с недоумением ошутил у себя на губах глупую улыбку. Немедленно вскочив, я придирчиво обнюхал рукава куртки. Фух, эта игровая условность работала. Чистый и без запаха. Иначе осталось бы только пойти и зарезаться от стыда. Но и это здесь невозможно.

Я пошагал в свою комнату, решив плюнуть на умывание и обходя колодец стороной. Сегодняшней ночью моя удача явно взяла отгул. В небольшой, три на три метра комнатке стоял добротный топчан с матрацем, набитым соломой и грубым шерстяным одеялом. Рядом стоял небольшой стол-бюро и колченогий табурет. На столе свеча в медном подсвечнике с удобной ручкой и поддоном. Тебя то мне, дорогая, так не хватало час назад! В противоположном углу комнаты на деревянной потемневшей колоде стоял небольшой медный таз и узкогорлый кувшин. Рядом на крюке висело серое льняное полотенце. Под ним на небольшой полочке я рассмотрел небольшую деревянную коробочку с двумя отделениями. В одном густая зеленоватая масса, пахнущая травами. Скорее всего, местный аналог мыла, в другой стопка плотных мягких лоскутков, на вид – из прессованного мха. Взяв одну в руки, я, пристыжённый уселся на топчан. Свеча уже почти догорела за время моих туалетных приключений. Лопушки, листики, газетки. Да то, что я держал в руках, с точки зрения прогресса личной гигиены, было просто революционным! Это и прокладка, и туалетная бумага, и тампон для раны и... чёрте что ещё! Я почувствовал, как краска заливает моё лицо. Надо было утонуть в сортире, обязательно надо. Что бы понять, что я со всем своим опытом врача 21 века здесь не прогрессор, а диковинка. И учиться у местных мне придётся заново. Только старт будет легче. В этом мне подспорьем базовые знания анатомии и физиологии, микробиологии и химии. Но, чувствую, будет трудно.

Так, за размышлениями о будущем, незаметно наступила полночь. Время собирать камни.

#00:00 Закончился третий день пребывания в Небытии. Получено за сутки 34900 очков ЭП (Emotional gaming points). Получен уровень...получен уровень...получен уровень...ваш уровень 36. Шкала опыта 400\3700. Премияльные очки характеристик 22. Нераспределенных очков характеристик 22. Система ценит юмор, и вы получаете +1 к характеристике Удача. Вы достигли 25 уровня! Вы достигли 35 уровня! Вы можете выбрать два ремесла из списка: травник, костоправ, хиромант, аурен#

Есть! Есть справедливость на свете. Надо распределить очки характеристик. Сегодняшний позор доказал, что с ловкостью у меня... никак. Поэтому всё в ловкость. Может и глупость совершаю, но в ближайшее время длительные автономные переходы мне не грозят, поэтому выносливость подождёт. Силу я в святилище и так приподнял больше всех. Интеллект на уровне, благодаря поясу. Так, выбор ремёсел. Пока двигаемся по пути целителя, логично выбираю травника и костоправа. Что такое хиромант и аурен – разберусь позже. Ну ка, посмотрим:

#Эскул, Клирик, Знахарь Ур. 36

Раса человек, кварталон,

Сила 42

Выносливость 33(+25 %)

Ловкость 60 (+25 %)

Интеллект 40

Удача 2

Магия жизни: Подмастерье.

Магия разума: Подмастерье.#

Да, что ещё нужно для хорошего настроения и глубокого сна. Правильно. Чувство глубокого удовлетворения от распределённых характеристик. Спокойной ночи, Эскул.

(1) Асептика и антисептика – Асептика – комплекс мероприятий, направленный на предупреждение попадания микроорганизмов в рану. Асептику следует отличать от антисептики, которая имеет цель уничтожить возбудителей воспаления, уже имеющихся в ране, посредством определённых химических веществ.

(2) Цирюльник – через польск. *cyrulik* от лат. *chirurgus* – исторически парикмахер и банщик, владеющий элементарными приёмами врачевания, имел право, кроме мытья, заниматься массажем, стричь, брить, вправлять вывихи, накладывать перевязки при переломах и ранах, вырывать больные зубы. Главная его деятельность, помимо стрижки и бритья, состояла в кровопусканиях.

(3) Навья – дух смерти, дух умершего иноплеменника. Может насылать болезни на людей и домашний скот, а также стихийные бедствия. Является в облики умершего человека. Поведение его во многом определяется родом его смерти (естественной или безвременной, неестественной)

(4) Доппельгенгер – нем. *Doppelgänger* – «двойник» – двойник человека, появляющийся как тёмная сторона личности в противовес ангелу-хранителю. Не отбрасывает тени и не отражается в зеркале. Его появление зачастую предвещает смерть того, кого копирует допельгенгер.

(5) Лич – англ. *lich* или *luch*, или нем. *leiche* – «труп – в маг-некромант, ставший нежитью, после смерти или вместо смерти.

(6) «Аннушка уже разлила масло» – у Михаила Афанасьевича Булгакова в оригинале романа «Мастер и Маргарита»: «Аннушка масло уже купила, причем не только купила, но и пролила». В переносном смысле используется для обозначения того факта, что какая-то неприятность уже подготовлена и избежать ее не удастся.

Глава пятая

Деньги делили между собой доктора; на жалобы, на дороговизну они отвечали на латыни: «Наши отцы питались нами, мы питаемся вами, а вы будете питаться иными.»

(мемуары аббата Бастона университета Сорбона).

Утром меня разбудил топот ног в коридоре, хохот и неразборчивое бормотание. Сначала я не понял, где нахожусь, потом оглядел комнатушку и события предыдущего дня нахлынули вместе с чувством голода. Часы интерфейса показывали 05:45, и я поспешил выйти во двор с кувшином для воды и полотенцем. Прислушался к себе. Не сказал бы, что сила и ловкость бурлят во мне и зовут на подвиги. Но утро было хорошим, просто замечательным.

У колодца образовалась небольшая очередь. Несколько молодых парней и мужчина средних лет тут же обливались из деревянного ведра по пояс. При этом громко вскрикивая и похатывая. Я окунулся в атмосферу бесшабашной молодости и здоровья.

– Новичков принимаете? – улыбнулся я, уж очень заразно смеялись парни.

Несколько мокрых и взлохмаченных голов обернулись ко мне. И тут я постарался не подать виду. При пристальном взгляде над ними я увидел призрачные цифры уровней, а у ближайших разобрал имена! Вот оно что... Ночью я апнул выше 25 уровня. Видимо появились новые преимущества. Но почему не было оповещения системы? Странно это. Не о всяких изменениях свойств персонажа игрок информируется. Возникает ощущение о дефектности игры...

– Ты – Эскул? Прима предупредила о тебе, – крепкий смуглый мужчина, которому можно было дать и тридцать, и сорок лет, с интересными продольными и косыми шрамами на спине и татуировкой в виде широкого ошейника и браслетов на запястьях, подошёл ко мне первым и протянул руку, – меня зовут Элькамино, я старший над работниками.

Я пожал протянутую мозолистую ладонь крепыша, а затем, у каждого по отдельности из четырёх ребят. Представлялись они односложно, немного настороженно посматривая на меня. Отто, Франсуа, Андрэ и Демис, крепкие парни, не более двадцати лет и уровнями между сороковым и пятидесятым.

– Эскул, умывайся и мы покажем тебе трапезную, – похлопал меня по плечу Элькамино. Я не преминул воспользоваться его советом. В животе урчало заметно. Ледяная вода из колодца взбудрила, налил в кувшин про запас и, только успел обернуться в комнату, как ко мне заглянул проходящий мимо двери Элькамино.

– Готов, клирик?

– Всегда готов, бригадир! – я вышел в коридор, – вопрос можно? – пристал я к крепышу уже на ходу.

– Валяй, если короткий.

– Я тут вчера оконфузился немного, чуть в отхожем месте в яму не упал, доска под мной треснула, не хочу, чтобы на меня потом напраслину возводили. Я смогу починить, мне бы инструмент и доски...

Крепыш обернулся и как-то хитро взглянул на меня, из-за угла внезапно появились остальные работники и я оглох от громкого дружного хохота. Элькамино, красный, как варёный рак, держался обеими руками за живот и даже начал икать.

– Ик! С посвящением тебя, Эскул! Теперь ты по-настоящему наш. Это ребята тебе испытание устроили. Но ты ловок, мошенник, не провалился. Молодец!

Я не знал, что сказать. Улыбался до ушей, сцепив зубы. Хорошо, что они так и не поняли, что я умер ночью, захлебнувшись дерьмом. Посвящать в своё бессмертие в этом мире кого

бы то ни было я не собирался без лишней нужды. И, пересилив себя, улыбнулся, пообещав мысленно припомнить любителям розыгрышей своё купание.

Вход в трапезную находилась в главном дворе. Это был большой вытянутый зал со стрельчатыми окнами. Столы и лавки разделялись условно на две части. Для сестёр и для работников. Я заметил, что обитательниц в монастыре было не менее сотни. Одинаковые одеяния делали массу служительниц безликой. Свободный покрой скрывал фигуры и возраст. Но нет-нет, да и кидали острые взгляды молодые работники в сторону соседнего стола.

Кроме нашей бригады на завтраке за столом собрались ещё несколько человек. Такие же молодые люди. Одеты в простую рабочую одежду, некоторые в кожаных фартуках с заткнутыми за пояс рукавицами.

Кормили без изысков, но сытно. С удовольствием съел чечевичной каши, обильно сдобренной оливковым маслом. Запивали её крепким травяным отваром с немного сладковатым терпким вкусом, напоминавшим малину и смородиновый лист. Завтрак не занял много времени, никто и не собирался засиживаться. На выходе меня снова принял Элькамино.

– Эскул, ты что делать умеешь?

– Даже и не знаю, что ответить на твой вопрос, бригадир, – я растерянно развёл руками, – могу лечить, а могу... не лечить, но, наверное, вам это здесь и сейчас не совсем нужно.

– Хм, шутник, будь ты врачевателем, к нам бы не попал. Небось опять Мария неприкаемую душу пожалела? Ты не смотри, Эскул, что ребята здесь молодые. За каждым из них трудная дорога в жизни. Кто сиротой на пожаре остался, кого настоятельница с улицы полугодным да больным притащила, а кто и бродяжничал, да к нам попал в приют. Вырос, а идти не куда. Вот и подался в работники. Мария говорила, что ты с островов Великого Моря к нам добирался, вроде, как разбойники по пути напали, да память отшибли. Может и так. Только я никому не доверяю, пока человек себя не покажет. И за тобой присмотрю.

– Ты, как послушаю, тёртый калач. Самого то как занесло в обитель?

– Я – убийца, Эскул. Меня Мария Золано от плахи спасла. Перед Городским Советом поручилась. Давно это было. Восемь зим минуло. С тех пор я и живу в обители Трёх Сестёр. Хозяйством теперь заведу. Воспитанников приюта ремёслам простым учу. Столярничать, плотничать, гвозди и подковы ковать, гончарничать... Теперь все здесь – моя семья. А обитель – мой дом. Так, что, Эскул, не обижайся, но, если что худое задумаешь... – и крепко недвусмысленно поднёс свои кулаки к моему носу и потёр их друг над другом. Выглядело это внушительно, учитывая его 107 уровень.

– Я дал повод? – удивлённо посмотрел я на бригадира, и сам ответил: думаю, что нет! Поэтому, договоримся сразу, Элькамино, никаких камней за пазухой у меня нет. Скажу сразу, здесь я только потому, что мне некуда податься в этом городе, и словечко за меня настоятельнице замолвила мамаша Хейген, которая встретила меня на дороге. А главная моя цель – поступить в университет, так как хочу стать целителем. И если для этого надо мыть сортиры с бывшими уголовниками, так я с превеликим удовольствием! – и я улыбнулся во все тридцать два зуба. Постарался, чтобы это выглядело внушительно.

– Хе-хе, а тебе палец в рот не клади! Не обижайся Эскул. Мария добрая, а проходимцев и ловкачей мы в приюте навидались много. Если ты с открытой душой и благой целью, милости просим, – и Элькамино тоже улыбнулся.

Потом начался рабочий день. Учитывая мою криворукость в бытовых делах, использовали меня в основном как грузчика или подай-принеси. Катал квадратное, носил круглое. Неожиданно для себя получил огромное удовольствие при сборе урожая яблок в монастырском саду, который обнаружился за корпусом работников.

Поднявшиеся за ночь характеристики, позволяли не сильно уставать. К одиннадцати часам Элькамино всем выдал кожаные фартуки, и мы пошли к лечебному корпусу. Длинное двухэтажное каменное здание имело два входа и широкие лестницы с добротными дубовыми

ступенями. Вошли мы через задний ход, через который приносили еду больным из трапезной. В глаза сразу бросился недостаток света и тягостное ощущение от тяжёлого сладковатого запаха, от которого начинала кружиться голова и подташнивало. Запаха смерти и обречённости.

Здание не имело отдельных комнат, кровати просто стояли в метре друг от друга в несколько рядов по всему этажу. Грубые, сбитые из соснового горбыля, их покрывали матрацы, набитые соломой, прельный запах которой смешивался с запахом лежачих больных. Узкие окна давали мало света. Воздух, казалось, застыл в этих залах, его можно было нарезать ножом. Проходов едва хватало по ширине для тележек, на которых сёстры развозили еду, воду, на них же они забирали и судна с испражнениями и короба, в которые скидывали отработанными повязками. В воздухе постоянно стоял монотонный шум, состоявший из стонов, вскриков, скрипа колёс, и ещё десятков разнообразных звуков. Одна из тележек приблизилась к нам.

– Забирайте, – пожилая сестра указала нам на неё. Двое работников, стоявших впереди схватили верхнюю часть тележки за ручки, сняли с колёс и понесли к выходу.

– Эскул, не стой столбом, блевать на улице будешь, берите с Андрэ следующую тележку и несите. Поясняю для тебя, Холиен. Посуду оставите у входа в трапезную, там же бадья для дерьма, сливайте туда всё, повязки и гнилые бинты из коробов в яму на заднем дворе, бинты почище в мешки там же. Потом отнесёте в прачечную. Как бадья наполнится, несёте её в унитаз и выливаете. Да осторожнее Эскул, не свались в яму снова! Ха-ха-ха... – Элькамино эта шутка показалась смешной.

Около часа наша шестёрка занималась выносом с этажей продуктов жизнедеятельности этого странноприимного дома. Продвигаясь между кроватями с тележками, я окунулся в уже порядком подзабытую атмосферу отчаяния и скорби.

Болезни, с которыми лежали здесь люди сделали бы честь любому справочнику в моём времени. О некоторых я только слышал от деда, другие в своё время изучал только по картинкам. Почти бессознательно, не обращая на улыбки работников, я соорудил себе повязку на лицо из относительно чистого полотенца, захваченного у трапезной.

Уже через час я понял, что лучше сдохнуть на улице без медицинской помощи, чем подвергаться лечению в этом странноприимном доме. Эта мысль гвоздём сидела у меня в голове на протяжении всего оставшегося времени, во время которого я занимался этой монотонной работой. Интересно, сколько выживает в обители в таких условиях. Никакой волшебной магии в лечении этих несчастных я не заметил. Многие просто гнили на своих койках, даже не прирагиваясь к еде и питью.

Единственное рациональное зерно, которое я заметил в организации больницы, это разделение на мужчин и женщин (мужчин держали на первом этаже, женщин – на втором). Оно хоть как-то вписывалось в мои представления о примитивной гигиене. Детей держали на женской половине.

Я находился среди больных и сестёр более пяти часов, и устал, словно весь день сражался с Парсумом, который убивал меня десятки раз. Я пропитался миазмами, которыми был насыщен воздух больницы Трёх Сестёр. Когда Элькамино объявил перерыв, я тупо уселся на колоду для колки дров у заднего входа трапезной. Руки и ноги гудели, никуда не хотелось идти. Было около четырёх часов по полудни. Обед должен был начаться через полчаса, надо хотя бы умыться и вымыть руки. Сменной одежды не было. Фартук спасал мало.

Здесь меня и нашла сестра Абигаиль.

– Мастер Холиен, после обеда никуда не уходите, я провожу вас к Приме, – обратилась она ко мне холодным безапелляционным тоном.

– Хорошо, сестра Абигаиль. Я буду готов. И... примите мои извинения за моё вчерашнее поведение, – я встал и поклонился.

– Извинения приняты, – тон девушки стал на волосок мягче, и она вошла в трапезную. Я поспешил к колодцу, предварительно захватив таз и мыло из комнаты. У забора я заметил заросли мяты и полыни. Попробую использовать. Быстро скинув куртку и рубаху, не жалея воды и мыла, вымыл дважды голову и торс. Растерся полотенцем. Стянул тугой жгут из травы, смочил его водой и тщательно вытер кожаные штаны и сандалии. Потом повторил все манипуляции с курткой. Понюхал, по-моему, получилось неплохо. Но полностью избавиться от запаха можно было бы только умерев. Я попробовал закинуть вещи в инвентарь и вынуть. Они стали заметно чище, но запах не прошёл. Видимо, так это не работает.

Приняв довольно приличный вид, поспешил на обед. Еда удивила наличием мяса, овощей и даже фруктов. Если здесь и больных так кормят, то не всё ещё потеряно для этой богдельни. В конце налили даже кружечку слабого, но умопомрачительно вкусного пива. Градус настроения поднялся и я, увидев ожидающую у выхода Абигаиль, помахал рукой бригадиру. Тот кивнул, и мы с сестрой покинули трапезную.

Несколько минут по коридорам и галереям обители привели нас на просторную веранду на втором этаже. Здесь располагался небольшой столик, несколько плетёных кресел, удививших меня своим изяществом. До сих пор я видел только достаточно грубую мебель. Увидев на одном из кресел Приму обители, я поспешил поклониться и поздороваться.

– Не нужно церемоний, мастер Холиен, вы трудились весь день, прошу, присаживайтесь и она указала мне на соседнее кресло, кивнув Абигаиль, которая поспешила удалиться, – вы пьёте отвары из трав, Эскул? – спросила она, когда я устроился.

– Да, сестра Мария, мне очень понравился напиток, которым нас потчевали на завтрак. И я должен сделать комплемент трапезной, у вас очень вкусно и сытно кормят. А, главное, такая пища полезна и больным.

– Хм, спасибо, мы стараемся обеспечивать работников, но подопечных и сестёр балуем хорошей едой только в выходные дни. Вы уже видели наш сад, есть ещё огороды, свиарник, птичник. Всё это хозяйство круглый год поставляет на наш стол свежие продукты, – отметила Золано, разливая по маленьким деревянным кружкам отвар из медного чайника.

Аромат приятно защекотал ноздри. Я сделал глоток терпкого и сладковатого напитка с фруктовой кислинкой.

#Ментальная атака среднего уровня.

Благодаря Магии Разума 100 % отражение воздействия#

Я насторожился, но продолжал мило улыбаться, смотря на настоятельницу. Щёки женщины немного порозовели и её голубые глаза пристально уставились на меня. Хм, непростая штука эта настоятельница.

– Сестра Мария, – после небольшой паузы вступил я, – как дела у матушки Хейген? Я очень благодарен этой женщине и хотел бы ещё раз осмотреть её сына, мне пришлось прооперировать его и наложить швы, которые следует снять через несколько дней. И рана требует квалифицированного ухода и контроля.

– Хм, мастер Холиен, вечером у вас будет свободное время и вы можете пройти в город. Рынок недалеко от обители, а там вам любой подскажет, как найти мамашу Хейген.

Я ещё раз посмотрел на настоятельницу и только теперь отметил, что не вижу её уровня! Интуиция буквально кричала об осторожности с этой женщиной.

– Ммм, мастер Холиен, где вы учились?

Хм, странный вопрос, хотя... она уверена, что подавляет мою волю. Что же, поиграем в её игру.

– В Российской Медицинской Академии!

– Это в каком королевстве?

– Это очень далекое королевство, сестра Мария, недостижимое и непостижимое. Мамаша Хейген вам разве не говорила?

– Матильда сказала, что у себя вы были довольно сведущим в своём деле целителем и хотели бы получить медицинский диплом университета Варрагона. Она сказала, что вы помогли Бруно и даже поклялась, что такого не смог бы сделать даже Королевский Цирюльник!

– Вы правы, Прима, я хотел бы посвятить целительству свою жизнь в этом королевстве. У меня здесь ни родных, ни друзей. Доброта Матильды Хейген привела меня к вам.

– Но одного желанья и способностей, пусть и выдающихся недостаточно...

– Прошу прощения, что перебиваю, сестра Мария, но на пути в Варрагон со мной произошла странная встреча, результатом которой стала моя уверенность в правильности моего выбора.

– Что же с вами произошло? – Мария была очень заинтересована.

Я постарался поведать в подробностях о своих приключениях в лесу, упуская детали воскрешения и умалчивая о подарке Богини Надежды.

– Значит, сон в заброшенном святилище... Странности случаются. Может ты удостоился великой чести, Эскул? А может, тебе просто всё привиделось. Ты хочешь стать целителем? Дерзай. У тебя есть целый месяц до вступительных испытаний. Поработай в обители, здесь тебе будет и стол, и крыша над головой.

– У меня будет возможность покидать обитель вечером, хотелось бы заняться и своими делами?

– Конечно, ты вольная птица, мастер Холиен, но до полуночи должен быть в обители. Мы закрываем ворота и тебя уже не пустят.

– Ммм, могу я задать один интересующий меня вопрос, уважаемая настоятельница?

– Конечно, Эскул, я постараюсь ответить, – Прима с интересом посмотрела на меня и слегка склонила голову набок.

– Прошу простить, может быть я буду несколько бестактен, ещё раз прошу отнестись с пониманием, я новый человек у вас, – я дождался поощрительного кивка от настоятельницы, – я сегодня впервые увидел вашу больницу изнутри и у меня возникли опасения, что большинство попавших сюда людей кроме сочувствия, милосердия и ухода, что так же, соглашусь, немало, не получают существенного лечения. Может я чего-то не увидел? Пациенты с травмами, гниющими повязками лежат вместе с больными заразной инфекцией. Многие страдают от боли не получают ни минуты отдохновения от неё. Или есть врач, который их посещает? Роженицы в одном помещении с больными детьми...

Я замолк на полуслове, увидев, как посуровело лицо Марии. Пауза затянулась на целую минуту.

– А у вас разве не так? Мастер Холиен! – ледяной тон не предвещал мне ничего хорошего, – это лечебница для бедных, хочу вам об этом напомнить, господин всезнайка. Больные здесь существуют благодаря пожертвованиям, бесплатной и самоотверженной работе и помощи сестёр! Да будут мне свидетельницами Три Сестры, я день и ночь думаю, как добыть лишнюю серебрушку на полотно для простыней, да солому для тюфяков. Сёстры все свободное время тратят на вышивание салфеток, уход за огородами и подсобным хозяйством, чтобы продать излишки на рынке и выручить деньги, которые уходят на содержание несчастных... – лицо настоятельницы побелело, руки тряслись.

– Прошу ещё раз простить меня, сестра Мария, я отнюдь не умоляю заслуг всех достойных людей, которые трудятся в обители. И вопрос мой не праздный. Я хочу помочь, всем, кому смогу. И я знаю, как это сделать! Я смогу гораздо больше, чем просто работая грузчиком или вынося нечистоты! Мне всего лишь нужно разрешение от вас... – я тоже разошёлся не на шутку. Мы так и стояли друг перед другом с настоятельницей. Я – упрямо сжав кулаки и не отводя взгляда. Она – бледная и возмущенная. Странно, но я только сейчас понял, как красива Золано. Монашеское одеяние обезличивает человека. Сейчас же в своём праведном возмущении моей наглостью она была просто прекрасна. Наконец, настоятельница справилась с собой.

– Хм, что же, не будем спешить с выводами, мастер Холиен. Я позволила себе быть несдержанной, забыв, что вы далеки от нашей жизни. Хотя Матильда и предупреждала меня. Что вы хотите предложить?

– Я понимаю, что прошу слишком многого. Для начала, я мог бы попробовать лечить наиболее тяжёлых больных. Я не требую особого к себе отношения, но, может быть выделите мне угол на мужском этаже. Я отгорожу его ширмами. Неплохо бы в помощь одну из ваших наиболее опытных сестёр. Необходимые мне материалы я постараюсь достать сам, учитывая стеснённость обители в средствах. Я – начинающий травник и костоправ, немного алхимик. Сегодня на рынке посмотрю, что из необходимого возможно купить. Пусть не сразу, но я постараюсь доказать вам, что не бросаю слов на ветер.

– Что ж, мне будет вдвойне удивительно узнать, что вам что-то удалось сделать. В нашу больницу целителей калачом не заманишь. Платить нам не чем. Да и цирюльники никогда не занимались благотворительностью. Я ценю ваше желание помочь, мастер Холиен. Я распоряжусь, чтобы вам выделили сестру. Вас не будут распределять на хозяйственные работы. Я дам вам неделю. И если по истечении этого срока не будет результатов, то я, рискуя поссориться с Матильдой, выставлю вас за порог обители! Но, чтобы вы знали, что и я держу слово, в случае успеха я обещаю дать вам рекомендацию в университет Варрагоны. Моё слово пока ещё что-то значит для ректора...

– На большее я просто и не мог рассчитывать! – я искренне поблагодарил настоятельницу, – я могу начинать готовится прямо сейчас?

– Ох, Эскул, неугомонный вы клирик, идите уже, да и если собираетесь бродить до трёх лун, зайдите на кухню, вам дадут с собой хлеба и сыра.

– Спасибо... – ещё раз произнёс я, уже поворачиваясь к двери.

#Вы получаете характеристику Харизма +1#

Вот так. Нежданно нагадано. Но зачем же настоятельница меня пыталась прощупать на откровенность? Да и уровень её мне не виден. В земных играх это значило бы, что персонаж её выше моего более чем на 100 уровней. Серьёзная дама...

Теперь нужно спланировать свои действия. Для осуществления моей цели у меня есть поддержка руководства, помощницу дадут, ширмами и своим углом займусь завтра с утра. Надо посмотреть, чего я стою, как травник и алхимик. Нужны ингредиенты и расходники. Хм. Все пути ведут на рынок. Начну как я с мамы Холиен, она-то там все места знать должна. И, наконец, деньги, мани, тугрики, баксы, фунты, йены... или что тут у них есть. У меня их нет. Надо где-то заработать. Мдаа... Если в доме нету денег...

Вечерний Варрагон, в особенности окрестности обители, не поражал многолюдством. Если бы сторож монастыря на воротах не сказал мне куда идти, я бы точно запутался. А так, потихоньку, сначала вдоль внешней стены монастыря строго на запад, потом я увидел один из загадочных шпилей, замеченных мной на подъезде к Варрагону. Там-то, по словам сторожа и находился один из входов в центральный рынок.

Ориентируясь на шпиль, я потратил ещё не более получаса, петляя по кривым улочкам. И вот, за очередным поворотом появилась небольшая площадь, на которой расположилась башня со шпилем и монументальная каменная арка ворот с прибитым на ней деревянным щитом, раскрашенным в цвета Варрагона: красный, белый и чёрный. Небольшая герцогская корона венчала вставшего на дыбы Парсума, располагавшегося в правом углу щита. Было ещё достаточно светло и торговый день не закончился. Стоящие и сидящие тут и там у ворот фигуры нищих в грязных обносках добавляли некий извращённый колорит этому месту. Башня со шпилем оказалась неожиданно высокой. У основания был вход, затворённый внушительной дубовой дверью, у которой стоял часовой в оранжевом плаще с интересным оружием – полтораметровым копьём с крючьями по обеим сторонам древка.

Пройдя под аркой, я натолкнулся на толстого и заросшего бородой до самых глаз человека, который прохаживался перед воротами и периодически вскрикивал осипшим голосом:

– Жетоны, королевские жетоны, не забудьте взять жетоны!

– Добрый человек, я гость в вашем славном городе, зачем нужны жетоны? – задал я вполне объяснимый вопрос, в тайне надеясь завязать беседу и узнать где мне искать марки-тантку. Толстяк удивлённо уставился на меня.

– Торгуешь? Покупаешь?

– Нет. Человека встретить одного нужно.

– Торгуешь – красный жетон, одна серебрушка, покупаешь – зелёный жетон, пять медяков!

– А, так ты налоги собираешь? – догадался я.

– Ну да, налоги-берлоги-каталоги. Я – королевский мытарь (1). Покупаешь-продаёшь? Плати! – толстяк звякнул тощим кошельком с герцогским гербом на кожаной печати.

– Ответственная и почётная работа, наверно? – попытался я грубо польстить. И прока-тило. Толстяк приосанился и расплылся в дружелюбной улыбке.

– Ну да, мы – слуги короля и на нас всё держится.

– И вы, конечно всё и всех тут знаете? – продолжал я обрабатывать мытаря.

– Ну так уж... – толстяк разве что ножкой не шаркнул, глазки его заблестели от самодо-вольства.

– А не знаете ли такую, мамашу Хейген? Маркитантку?

– Кто же эту старую шлюху не знает? На что тебе она?

– Да у меня поручение к ней от настоятельницы обители Трёх Сестёр, – не стал я выдавать истинную цель, – а на рынке – впервые, где мне её найти, добрый человек?

– Хе, ну такому парню, как ты, грех не помочь. Сейчас повернёшь направо и иди до кузнечного угла, увидишь, там печи чадят всё время. Потом свернёшь на оружейные ряды, не ошибёшься – там бронькой, да оружием торгуют. Дойдёшь почти до конца, там и стоит её фургон, не перепутаешь. Старьёвщики там, точильщики разные ошиваются.

– Спасибо! – поблагодарил я и ускорил шаг.

А вокруг было на что посмотреть. Шум в оружейных рядах стоял такой, что сводило зубы. Такое впечатление, что весь Варрагон собрался на рынке. Я невольно замедлил шаг. Игровая натура не позволяла пройти мимо, чтобы не взглянуть хотя бы одним глазком. А посмотреть было на что. Слева шли бронные мастерские с лавками, на витринах которых весели, лежали и даже стояли латы и доспехи со всего мира. Здесь были представлены кольчуги тонкого плетения и грубые поделки, успевшие подёрнуться ржавчиной без чистки. Были и побогаче, воронёные, со вставками из бронзы и сырого железа. Ламелярные доспехи соседствовали с полными латами конных рыцарей. Боевые и тренировочные. Ристалищные, парадные и даже театральные! Вот это ассортимент. Я приблизился к одной из витрин, увидев клееный нагрудник и толстой воловьей кожей с искусным тиснением. Прикасаясь к нему, я ощутил непередаваемое ощущение добротности этой вещи. Но никаких характеристик не увидел, как не старался.

– Хорошая защита от стрел, если знаешь о чём я, – щуплый продавец с жёлтыми зубами и куцей бородачкой постучал ногтем указательного пальца по коже.

– А зачарованная броня есть? – поинтересовался я.

– Ха, эк ты хватил! Это тебе не на рынке, это тебе к мастерам в белый город надо. Только, – он презрительно посмотрел на меня с головы до ног и презрительно цыкнул зубом, – золота у тебя не хватит, ты вон даже сапог достойных себе не можешь купить!

Я махнул на него рукой, обидевшись за свои сандалии. Потолкавшись ещё немного, понял, что здесь продавали простую броню и оружие без магических свойств или зачарования на статьи (2). Интерес мой заметно остыл, хотя некоторые вещи выглядели очень привлекательно. Наконец я дошёл почти до конца оружейных рядов и заметил знакомый фургон, сто-

явший в небольшом закутке между двумя старыми палатками. Лошади были распряжены и стояли неподалёку у небольшой коновязи с поилкой.

– Хой! Мастер Холиен! Вы как раз к ужину! – из-за фургона вышла, вытирая руки полотенцем, мамаша Хейген. На ней была простая тёмная шерстяная юбка и свободная холщовая рубаха из белёного полотна, скрывавшая необъятные достоинства маркитантки. Странно, уровень над ней тоже не отображался, а ник был коричневого цвета, хотя над всеми остальными он был синим.

– Здравствуйте, Матильда! Я пришёл, как и обещал. Нужно в первую очередь осмотреть Бруно.

– Ох, Эскул, не называй меня Матильдой. Это Мария придумала. Имя у меня совсем другое, длинное и труднопроизносимое. А Бруно как раз сейчас придёт, я его за вином послала.

– Как это, придёт? Я же сказал, чтобы он дня два-три лежал. Швы разойдутся!

– Не волнуйтесь, Мастер Холиен. Я поглядела сама. У него уже к обеду зажило всё, как на собаке. Руки у вас золотые. Прошу, присаживайтесь к столу, – и она указала на откинутый борт фургона, который служил столом семье Хейген. Я с сомнением покачал головой, опасаясь за здоровье старшего сына маркитантки. На столе стояла неизменная похлёбка, лук, небольшая голова сыра, краюха свежего хлеба. Прибежали близнецы. Тоша принесла чистые тарелки и деревянные ложки.

– Ма, – раздался позади ломающийся басок, – Торенгард сказал, что вина больше не даст в долг, но пива четвертной нацедил, – высокий, добрых два метра, болезненно худой Бруно широкими шагами приблизился к столу и водрузил на стоящую рядом колоду дубовый боченок.

– Да, трактирщик за медяк удавится, я его ещё по интендантской службе помню, всё норовил солдатам портки с мертвецов сбегрить, которые по ночам стирал и штопал, поди до сих пор их таскает для экономии! Вот так и бывает, мастер Холиен, захочешь вином хорошего человека угостить, но на пути становится такой вот Торенгард. А я ведь ему всегда долги отдавала. Просто не расторговалась ещё...

– Да ладно вам, мамаша, я пиво больше люблю, и если оно такое же, как в обители, то меня и за уши не оттащить от кружечки! – я подмигнул Бруно.

– Ну раз так, наливай, сынок, – маркитантка убрала уже пустую тарелку от похлёбки и поставила на стол оловянные пол-литровые кружки. Я скромно выпил одну кружку замечательного напитка, с удовлетворением заметив, что мамаша детям пива не наливала, только Бруно.

– Давай-ка братец, я, всё-таки, посмотрю на рану. Что-то беспокойно мне. Полежай в фургон. Потом поешь похлёбки, – обратился к старшему сыну маркитантки.

Открывшаяся мне картина привела меня в ступор. Сутки! Сутки не прошли с тех пор, как я вскрыл фурункул, зашил рану. Сформировался вполне приличный рубец. На вид ране было 5-7 дней! Вот так умение. Я с интересом разглядывал свою левую ладонь. Это просто бомба какая-то. И если в этом мире магическое лечение – редкость. То я – кандидат в почётные чтеры (3) этой игры.

– Полежи ещё пять минут спокойно, немного пощиплет, – я помнил, где лежала бутылка с уксусом в кибитке, достал её, обильно смочил одну из тряпиц, которой Бруно завязывал рану, тщательно промокнул рубец, поддел скальпелем видимые края швов и быстрыми движениями удалил нить. Отверстия слегка закровили, я накрыл рубец левой рукой и активировал умение. Кровотечение тут же прекратилось.

– Всё, шагай к столу, боец, – хлопнул я по плечу Бруно.

– Спасибо, мастер Холиен, – пробасил парень.

Вылезая из фургона я в изумлении увидел всё семейство Хейген, столпившееся вокруг Бруно. Впереди стояла Тоша и держала что-то, завернутое в холстину, на вытянутых руках.

– Мастер Холиен, выступила вперёд мамаша, мы не очень богатые люди, но никто не скажет, что мамаша Хейген неблагодарная маркитантка, мои дети – моё главное богатство. Прими, Эскул, от нас всех и носи на здоровье, вспоминай мой фургон. Эта вещь много лет дожидалась такого, как ты. Здесь она всё равно никому не подойдёт, а ты оценишь. Да и стыдно, такому видному мужчине ходить по городу с голыми пальцами на ногах! Может на твоих островах это и принято, а у нас – засмеют!

Тоша подошла и протянула мне, стоявшему в смущении, свёрток. Я в растерянности посмотрел на мамашу Хейген.

– Бери, бери, не стесняйся, примерь обновку, Эскул! – подбодрила меня она.

Я развернул тряпицу и ахнул:

#Сапоги рейнджера дикого леса. Материал – кожа дикого вепря. Требования к уровню 35. Только для эльфов: + 50 к ходьбе по пересеченной местности, +25 к силе, +25 к ловкости, +25 к выносливости, +50 к скрытности перемещения. Износ 90\120#

Не новые, конечно, мой первый муж, отец Бруно, таскал их в своём рюкзаке ещё с Войны Крови. Так и лежали у меня в кибитке. Наследство.

Я надел сапоги, сбросив сандалии в инвентарь и только теперь понял, что ношу их без штрафов. Четверти эльфийской крови хватало для выполнения требований! Но откуда мамаша Хейген!?!... Я резко обернулся к маркитантке, которая стояла и смотрела на меня, прищурив правый глаз.

– Что пялишься, кварталон, как мул на кобылу?!

– Как вы узнали?..

– Мастер Холиен, древние в этом мире знают гораздо больше друг о друге, чем люди. Ха-ха-ха, видел бы ты сейчас себя со стороны, эльфёнок! Клянусь Подгорным! – груди мамаша Хейген затряслись в такт её густому смеху. Любопытные головки близнецов вылезли у неё из подмышек, – а ну брысь! Бездельники, живо убирать со стола, а мы пройдемся с мастером Холиеном...

Пройдя несколько десятков шагов, я в нетерпении спросил маркитантку:

– Так вы тоже?..

– Вот ещё, Холиен, неужели я хоть чем-то напомнила тебе златокудрую эльфу? Не обижай меня, Эскул? Подумай головой хорошенько, – Хейген развернулась и пристально уставилась мне в глаза, – ну!?

– Вы...ты...гнома?

– Гнома, **гнома!** Холиен, Холиен? Тебе плохо?

– Нет, но ты же Матильда Хейген?

– Ты, как ребёнок, Эскул, люди любят переделывать имена, в особенности побеждённых народов, им так удобнее.

– И как по-настоящему тебя зовут?

– Матеннгельд Хайгуринн, младшая дочь славного Горина Хайгуринна, сотника Хирда (4).

(1) Мытарь – церк.-слав. мытарь, также мытник – сборщик податей на мыте или сборщик податей вообще; в современном смысле – таможенник.

(2) Статы – численные значения различных характеристик шмота и персонажа, одетого в этот шмот – сила, ловкость, интеллект и так далее.

(3) Читер – происходит от английского глагола to cheat, который переводится как «играть не по правилам» в самом широком смысле этого слова и в английском языке означает помимо блефа в игре ещё и супружескую неверность, например.

(4) Хирд – боевое построение гномов, комплектуется из зрелых, достигших 60-летнего возраста гномов по имущественному цензу. Во главе хирда, как правило, стоит самый знат-

ный и богатый гном либо его старший сын. Хирд образует правильный квадрат с одинаковым количеством колон и шеренг. Численность такого построения у разных племен и даже кланов различна, но в среднем колеблется около 3500-4500 бойцов.

Глава шестая

Мы не выбираем времена. Мы можем только решать, как жить в те времена, которые выбрали нас.

Гендальф.

Дж. Р. Р. Толкиен «Властелин колец»

– Тебе предстоит многое узнать, мастер Холиен. Молодому клирику посчастливилось попасть не в самый лучший из миров. Да и есть ли где на свете лучший? – Матильда присела на штабель сосновых брёвен у забора, похлопав ладонью рядом с собой, – присаживайся, разговор будет долгим.

– Если можно, мамаша Хейген, я бы хотел узнать хоть что-нибудь из истории этой земли, например, о Войне Крови.

– Ты умеешь слышать главное... Всё началось гораздо раньше, Эскул, много раньше... Больше двух тысяч лет древние народы владели этими землями от океана до Восточных пустынь. Непростым было их соседство. Были и войны, и вражда. Но никогда они не становились опустошительными, ни одна из сторон не старалась уничтожить чужой народ полностью. Были и младшие народы, называемые древними одним презрительным словом «хуманы». Никто уже не помнит, откуда пришли эти племена. Может переправились через воды океана? Может пришли из северных земель. Хуманы всегда были плодовиты и непритворливы, жадны и завистливы. Век их был короток, но они селились везде и всюду, им было нужно очень мало. Постепенно они расселились почти повсеместно. Очень точно им дали название пустынные орки.

Вазунгу. «Окружившие». Только эльфы и гномы не пускали их в свои города, но разрешили селиться рядом со своими землями, торговали, учили, делились древними знаниями. И научили на свою голову.

Города хуманов крепили, обзаводились крепостями, фортами и заставами, оружие становилось всё лучше и совершеннее. А главное, вазунгу относились с презрением к жизни других рас. Мы сами вырастили свою смерть. Жестокие войны стали вспыхивать между разными королевствами хуманов. Более сильные захватывали слабых, богатые покупали бедных. И Древние снова не придавали этому значения... Пока, более восьмидесяти лет назад, племена северных чужаков не объединились с Западным королевством и Таганом Востока. Началась война на уничтожение Древних. Сопротивление самых многочисленных рас: эльфов, гномов, орков, гоблинов было длительным и жестоким. Одиннадцать лет шла кровавая резня. Уничтожались города, деревни, стойбища. Были утеряны многие уникальные знания и реликвии. За каждого древнего хуманы платили десятком своих жизней. И вазунгу победили...

Варрагон, прекрасный Варрагон стоит на костях сотен тысяч эльфов и гоблинов. Остатки рас ушли в глухие дебри диких лесов, джунглей и пещеры юго-восточных хребтов. Говорят, например, кентавров, теперь можно встретить только в огромной пустыне Южного материка, за Великим Морем. Они были самыми нетерпимыми и непримиримыми. До сих пор ведут порубежные войны с пустынными орками.

В одном из сражений той войны погиб мой отец. Славный Горин Хайгуринн. Сотник Малахитового Хирда. Он умер на руках моей матери. Как и сотни других древних, выживших, но лишённых дома и родных, судьба бросала нас по разным местам. Мы всегда были в дороге. Этот фургон – мамино наследство. А потом мамы не стало. Это было шестнадцать лет назад. Война Герцога Варрагона с Вольными Баронами. Мы тогда неудачно оказались рядом с деревней, которую захватили Дикие Наемники. Мать закололи копьём, потому что она не позволила подойти к фургону и защищала меня. Выкуп они не взяли. Распалённые кровью, воины хотели

наших тел. Четверых мама уложила насмерть. Пятый достал её пилумом (2) в спину. Он же потом и изнасиловал меня. Это был отец Бруно... Я вспорола ему живот. От паха до подбородка. Под утро, когда, насытившись и пропьянствовав всю ночь, он свалился в моём фургоне, рыгая и распевая похабные песни. Я, вообще, с детства, кроме войн, ничего толком не видела.

Я это к тому тебе рассказываю, мастер Холиен, что бы ты знал. Все, все у кого есть хоть капля древней крови, живут в городах хумансов без прав и надежды. Вернее, доживают. И всегда стараются поддерживать друг друга.

Тебе выбирать, на чьей ты стороне. Но выбрать придётся рано или поздно. Даже целителю.

– Хейген, но почему вы не объединитесь и не дадите отпор? Это же ваши земли, ваш мир, наконец?!

– Э-хе-хе, сынок, знаешь, сколько было таких бунтарей? Курган из их черепов мог бы поспорить высотой с одной из башен Варрагона! Хуманы сильны единством. Они могут договариваться, когда нужно, между собой. А мы... древние слишком замкнуты на своих... традициях, что ли. Не знаю, как правильно объяснить. Это и гордость, и застарелая ненависть к другим расам, как у эльфов, это и природная медлительность, как у гоблинов. Или дикость и необузданность, как у орков. Или чрезмерная рачительность и жадность, как у гномов. Много причин. Хумансы – это вазунгу, вот и весь сказ...

– Но ведь выжил кто-то, ты сама сказала, в горах, пустыне и диких лесах!

– Да, да, мастер Холиен. Это жалкие горстки самых отчаянных. Они выживают в суровых условиях. Им помогают остатки древних знаний и единение с природой этого мира. Хумансы же привыкли только брать. Это саранча, ржавчина на теле Дуниа, так называют наш мир орки. Когда-нибудь терпение её кончится, и она стряхнёт их со своего тела, как осеннее дерево старые листья. И тогда древние вернуться в свой дом... Многие из нас в это верят до сих пор. Только не я. Мы живём долго, но недостаточно долго, чтобы пережить всех хумансов.

В каждой столице есть свой Нижний город или рынок, как здесь. Тут мы и ютимся. Судьба у всех своя. Мои дети наполовину хуманы, наполовину гномы. Может они станут хоть немного счастливее...

Мамаша Хейген набивала уже третью трубку, а я всё не мог очнуться, погружённый в её рассказ.

В этот мир привела меня судьба. Живи и радуйся. Прав был рыжий, нет во вселенной совершенства (3).

– Как тебе в обители, клирик? Не обижают? – мою задумчивость прервал вопрос маркитантки.

– Всё хорошо, крыша над головой, кормят, только вот...

– Договаривай, эльфёнок.

– Мария действительно твоя хорошая подруга?

– А с чего это ты засомневался, мастер Холиен? – насупилась гнома.

– Понимаешь, пригласила она меня на чай сегодня, побеседовать по душам. А сама использовала Магию Разума, чтобы язык мне развязать.

– Ты ничего не путаешь, Эскул? Золано – хуманка. Я её много лет знаю. Травница она знатная, в костоправстве не последний специалист. Но... магия? Нет. Что-то здесь не то. А больше никого при вашем разговоре не было?

– Даже и не знаю. Привела меня сестра Абигайль...

– Вот что, Эскул. Ты пока об этом никому не говори. И Марии тоже. Не за чем ей знать о твоей крови. Квартерона в тебе может разглядеть только Архимаг Природы, а таких у хуманов сроду не водилось... Ну а нашим я кому надо сама скажу. Значит ты чувствуешь Магию Разума? Не совсем эльфийская способность.

– Сам не знаю, как проявилась, – решил я не распространяться о характере приобретения способности.

– Ты и сам не представляешь, мастер Холиен, сколько пользы здесь она тебе принесёт!

– Хм, пока не знаю, будет ли полезным? Мамаша Хейген, у меня ещё новость. Я с настоятельницей договорился, что она мне даёт возможность проявить себя самостоятельно. Есть несколько хороших задумок, как помочь подопечным в обители.

– Дело хорошее, мастер Холиен, свой целитель и нам бы пригодился, если ты догадываешься, о чём я...

– Намёк понял, Матеннгельд...

– Ох... сынок, давненько меня так никто не называл...

– А нет ли, мамаша, среди ваших друзей на рынке алхимика? Меня очень заботит отсутствие минимальных средств для врачевания в обители, да и свои способности стоит развивать. Хотя бы потому, что у самого в кармане ни гроша. А денег понадобится в будущем много. Не век же мне в приживалах жить. Опять же, Мария говорила, что для университета одного желания мало и, судя по вашим рассказам, местные хуманы любят брать на лапу.

– Что любят?

– Эээ, в смысле, подмазать колеса, подмаслить, золотые очки надеть, дать барашка в бумажке, подслонявить, замаксать...

– Чего, чего???

– Стоп, мамаша Хейген. У вас про взятки что-нибудь слышали?

– Ааа, ты про мзду. Ну так не без этого. Только в университете все и так официально. Взнос за участие во вступительных испытаниях, потом каждые полугодовые испытания подарки ректору, кафедральным, куратору, даже сторожу университетскому полагается настоячки сладкой поднести, хранителю тел, там, ещё кому. Это уже от факультета зависит. Ну и на студенческие вечеринки, само собой...

– Официально?! Обалдеть... Как тут всё... просто. Хм, а может и нет.

– Мастер Холиен, что касается алхимика. Есть один. На рынке торгует. Старыми вещами, простенькими эликсирами. Могу к нему сводить, он как раз через полчаса закрывается. А есть и в белом городе алхимика. Все – по высшему разряду, но туда только с деньгами...

– Нет, нет, до белого города я пока не дорос, мне бы попроще чего.

– Ну так пошли. Эй, Бруно! Я к старому Гуггенхайму отойду, последи за лошадьми и близнецов, как стемнеет, никуда не пускай, – маркитантка накинула шерстяной плащ, под который застегнула наборный оружейный пояс с внушительными ножнами в локоть величиной.

– Оружие обязательно? – удивился я, глядя на подготовку гномы.

– Обязательно, – отрезала Матильда, – особенно если кавалер – голодранец. Должна же я тебя живым до алхимика довести, да и обратно по вечерним улицам Варрагона в одиночку ходить не стоит!

– Твоя правда, мамаша Хейген, у меня кроме хирургического ножа ничего для защиты нет. Но и с ним я не простая добыча. Лесной Парсум, который догнывает недалеко от дороги в Варрагон, тому неоспоримое доказательство.

– Ха, удивил, эльфёнок. Двунogie хищники гораздо опаснее и изобретательнее лесных.

Жилище алхимика, находившееся в пятнадцати минутах ходьбы, трудно было назвать домом. Это можно было принять за кучу строительного мусора, остатков поломанных телег, какого-то тряпья, которую навалили поверх вырытой землянки. Рядом с этим шалашом жались друг к другу две куцые сосенки, на нижних ветвях которых были развешаны пёстрые лоскутки, куриные кости на верёвочках, ржавые гвозди и поломанные подковы. Пахло соответственно, далеко не розами.

Гнома толкнула ногой замшелую скрипучую дверь и шагнула в темноту, поманив меня за собой. Внутри было просторно и воняло гораздо меньше, хотя и сыровато. Мы сразу попали в

просторное круглое помещение, вырытое целиком в земле, над которым конусом были сведены просмоленные сосновые балясины, на которых тут и там висели пучки трав, целые веники, шкурки каких-то животных. Под самым потолком, в темноте, мне показалось что я вижу уснувших летучих мышей.

Посреди комнаты монументальным сооружением высилось вычурное резное кресло, потемневшее от времени, под креслом стояла глиняная ночная ваза. По периметру комнаты всё было заставлено шкафами, шкафчиками, ящиками, свёртками и мешками, коробками и кулками. Но, нужно отдать должное хозяину, во всём чувствовался должный порядок и система. Сам обитатель этого жилища восседал на кресле, недовольно повернув к нам голову и недобро поплёскивал стёклами очков с круглыми линзами.

Это был глубокий старик. Свет от масляной лампы, стоявшая рядом на большом бюро, застеленном суконной скатертью, выхватывал из сумрака землянки морщинистое серое лицо с просто-таки выдающимся крючковатым носом. Не морщины – целые каньоны бороздили его лоб, щёки и подбородок. На голове у него была замшевая кожаный каль (4), закрывающий уши, и с длинными завязками, свободно спадавшими на грудь старику. Одет хозяин был в тёмный сюртук с высоким воротником, из которого торчала дряблая шея с острым кадыком. Перед ним лежал толстый том в кожаном переплёте, в который он что-то записывал перед нашим приходом.

– Добрый вечер, господин Гуггенхайм, – сиплый голос мамыши Хейген был максимально смягчён реверансом, который гнома на моих изумлённых глазах с лёгкостью светской львицы изобразила перед креслом.

– И вам, мамаша Хейген, доброго вечера. Что заставило вас вспомнить о бедном старике в этот раз? Если вы о сданных вами месяц назад вещах, так спешу огорчить, их пока не купили...

– Нет, нет, господин Гуггенхайм, я совершенно с другим вопросом к вам. Я привела молодого человека, которого хочу порекомендовать и поручиться за него. Он способный и жаждущий знаний юноша, желающий послужить благому делу... – гнома жёстко взяла меня под локоть и подвела к креслу старика, ловкий тычок под лопатку заставил меня глубоко ему поклониться.

– Эскул из рода Холиен, господин Гуггенхайм, – пролепетал я под птичьим взглядом старика, не забыв отметить цвет его ника. Жёлтый?

Хозяин развернулся ко мне всем корпусом, слегка наклонился, правая рука его, затянутая в замшевую перчатку потянулась к моему лицу, застыла на полпути.

– Интересно... молодой квартерон... подмастерье в Магии Жизни и Разума, подмастерье алхимик?! Лекарь... травник... костоправ? Хм... изрядно, юноша, изрядно вы настроены, – чёрт, этот дед читал меня, как открытую книгу!

– А я что говорю, господин Гуггенхайм, способный...

– Заткнись, – спокойно бросил гноме хозяин землянки. И, о чудо! Матильда даже не стала спорить.

– Что ищешь ты в нашем мире, гость незванный? – ещё больше удивил меня Гуггенхайм. Я не спешил отвечать, да меня никто и не торопил. Но и взгляда я не отводил.

– Молодёжь... небось в мечтах мнишь себя великим целителем, потрясателем основ мира. А на деле, ты всего лишь беглец. Только от себя самого, как ни банально, квартерон, не убежишь. Это даже архимагу не под силу. Чего молчишь? Язык проглотил?

– Думаю, что ответить, Гуггенхайм. Или, как вас по-настоящему, господин алхимик? А что плохого в мечтах? Они помогают нам не разочароваться в себе и окружающем мире, как, простите, это произошло у вас, уважаемый гоблин! Мастер-алхимик или Грандмастер? Вы теперь старёвщик на рынке! – меня понесло, зацепил меня дед, я и не знал сколько обиды скопилось внутри, – у каждого из нас есть потери, у кого-то большие, у кого-то малые. Одних они делают сильнее, других слабее. Но выбор, выбор делает каждый за себя сам...

– Ты штооо творишшш, – гнома шипела и показывала мне кулак исподтишка. Я взглянул на гоблина и опешил. Гуггенхайм улыбался. Острые пожелтевшие зубы, синий язык, слезящиеся глаза. Он просто беззвучно хохотал. Через минуту, отсмеявшись, Гуггенхайм промокнул уголки глаз какой-то ветошью. В которую тут же высморкался.

– Отличный выйдет целитель, мамаша Хейген, повеселил ты меня, эльфёнок. А я лет десять не то что не смеялся, улыбаться перестал... Давай, выкладывай, что задумал, вижу же так и прыгаешь на месте, ха-ха-ха.

Я даже растерялся от такого спектакля. Как мальчишку, гoblin вывернул меня наизнанку. На слабо взял, плюшкин...

Гoblin медленно отложил книгу, с которой сидел на кресле и спустился по приставным ступеням на земляной пол. Ноги его были обуты в самые настоящие войлочные обрезные валенки.

– Чего уставился, Холиен? Вот перевалишь свою первую сотню лет, поймёшь меня, старика. В землянке моим костям не сладко приходится, – хозяин пошаркал к дальней стене, где между двумя внушительными высокими шкафами висела старая рогожа. Отдёрнув её клюкой, на которую всё время опирался, он высоко поднял масляную лампу.

– Давайте за мной, коли пришли. И, чур, ничего руками не трогать. Тебя, Хейген, это особо касается. Увижу, что к рукам прилипло, отрежу и Великому Духу скормлю, – старик сказал это так спокойно и серьёзно, что сразу возникла твёрдая уверенность, выполнит всё, как обещал.

За рогожей скрывался ещё один маленький коридор, который уходил глубже под землю. Крутые ступени были высечены из камня. Спустившись вниз, гoblin поставил лампу слева у входа на специальную подставку, со стороны стены ограниченную круглой медной пластиной, отполированной до зеркального блеска. Нашим изумлённым взглядам предстала ещё она комната. Без сомнения, передо мной находилась настоящая лаборатория алхимика.

Немного тесная, она не была темной, благодаря приспособлению у входа. В дальнем правом углу была видна настоящая тигельная печь с духовым шкафом, от которых шла медная труба, скрывавшаяся в каменном дымоходе для отвода выделявшихся газов. Окон в этой конуре не было, но спёртости воздуха не ощущалось. Наверняка, вентиляция была тщательно продумана.

Слева от печи располагался длинный стол, напоминавший верстак с обитой медью столешницей. На нём в идеальном порядке лежали и крепились разнообразные приборы и инструменты: различные керамические и стеклянные резервуары и сосуды для приемки использованных веществ, приспособления для дистилляции, щипцы, кочерга и молотки, малые кожаные мехи, для раздувания огня.

В центре комнаты на каменном постаменте стоял перегонный куб с несколькими ретортами и малой горелкой. Рядом с ним, чуть ниже я увидел агрегат, очень напоминающий самогонный аппарат, какой я с детства видел у деда. И который был его законной гордостью. Только здешний очень напоминал мне пеликана, сидящего на задних лапах и открывающего свой клюв-мешок.

Справа от входа на крюках висела тёмная хламида, вся в ожогах и цветных пятнах, рядом на полке расположились несколько пар толстых кожаных перчаток и фартук.

– Что скажешь, Эскул из дома Холиен? – гoblin повернулся ко мне и самодовольно улыбнулся своей ужасной улыбкой.

– Ммм... Мастер Гуггенхайм, слова бессильны передать мои чувства, но скажу одно, за возможность поработать в этом месте я отдал бы очень много, но пока мне нечего вам дать и...

– Ни слова больше, мальчик...

#Грандмастер Алхимии и Астрологии Кривой Нос предлагает вам стать его учеником. ДаНет#

Даааа! Блин, наконец-то знакомая игровая динамика. А то я скоро сойду с ума с этими ночными начислениями ЭП. Повеяло родным и до слёз желанным.

– Матильда, ты можешь идти, мой ученик задержится сегодня до утра. Он должен будет понять, как пользоваться лабораторией, а, самое важное, выучиться правилам безопасности, чтобы не спалить мой дом!

– Господин, – мамаша Хейген поклонилась гоблину, – Эскул, я пошлю Бруно к Марии, он предупредит, что ты явишься завтра к утру.

– Спасибо, Матеннгельд! – я прижал руки к сердцу.

– Не унывай, клирик, мы все надеемся на тебя.

Не успели шаги гномы стихнуть на ступенях в коридоре, как гoblin вплотную приблизился ко мне.

– Первое, что ты должен запомнить, эльфёнок, это то, что всё, что происходит в этих стенах должно оставаться между нами. Алхимия – очень важное и опасное ремесло. Тебе оно поможет исцелять разумных, другому – умерщвлять их. Как только ты заявишь себя, как умелый алхимик, за тобой пристально станут следить самые разные силы этого мира. Но умный ученик всегда найдёт свой верный путь! Пока опасайся только инквизиции Варрагона. Неофициально, она приставлена следить за всеми древними в этом городе и опаснее её адептов для нас никого нет. Уяснил?

– Безусловно, Грандмастер! – я был само внимание.

– Не называй моего титула! Для всех – это секрет. Обращайся просто, господин или мастер.

– Хорошо, мастер.

– Я заметил, как ты внимательно рассматривал мою лабораторию, тебе знакомы приборы, расположенные в ней?

– Да, многие, мастер, – я стал обходить комнатку по периметру и перечислять инструменты и посуду, называя предполагаемое их предназначение.

– Хм, неплохо, очень неплохо, – пробормотал, расхаживая и скрипя клюкой гoblin. Затем он подошёл к печи, – это, – указал он, – святая святых моей лаборатории. Атанор (5). Легендарная и сакральная печь, в которой мы с тобой будем получать необходимые вещества. Запомни, ученик, мы никогда не пользуемся углём. Только масло. Великое Делание не терпит грязи и копоти. Только чистые тинктуры и декокты, эссенции и кристаллы, эликсиры и амальгамы.

– Да, учитель, – подтвердил я, мысленно ужасаясь тому, что мне придётся реально что-то выплавлять в этих тиглях и выпаривать в ретортах. В Игре вся эта механика гораздо проще. Но не будем унывать, поглядим, что покажет практика.

– Пользуясь всем в этой лаборатории ты должен одевать специальную одежду, и фартук с перчатками, – гoblin указал на полку, – фрамуга у работающей печи должна быть закрыта всегда, наблюдение за процессом осуществляется вот здесь, через смотровое отверстие, из горного хрусталя, – он указал на окошко над печью, – вентиляционная задвижка духового шкафа, наоборот, должна быть всегда открыта. Там хитрая система дымоходов. На поверхности даже запаха почти не остаётся...

– Водяные фильтры? – поинтересовался я.

– А у тебя были неплохие учителя, мальчик... – гoblin нахмурившись посмотрел на меня, – в этих шкафах, у правой стены, пустые склянки для эликсиров самого разного объёма и набор базовых компонентов для алхимических превращений. На нижней полке книга основных простейших рецептов. Постарайся начать с них и не спеши, будь рачителен и разумен. Все возникшие вопросы запиши на пергамент, там есть кусочки чистого. Завтра я постараюсь на них ответить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.